

Назар ЭШОНКУЛ

ЛЮДИ ВОЙНЫ

Повесть¹

“Звезда Востока”

2010-2011

I

В начале декабря сорок четвертого – стоял ненастный день – ровно через год после того, как пришла похоронка, Нормат вернулся с войны, лишившись одной ноги. Так как подобное возвращение с нее стало привычным делом, никто не удивился его увечью. Чему удивляться-то? С войны, в конце концов, не отпускают домой здорового человека!

Последние три года это все чаще и чаще повторялось: в тот год, когда началась война, мастер Пирназар из Верхнего Теракли вернулся без правой руки. Как будто специально: он занимался кровельными делами. Теперь какой из него мастер без руки? А двумя годами раньше муллу Турды из Курганости встретили ослепшим. Тут ничего, можно терпеть: молитву читают и без глаз, ведь муллы ее наизусть знают, как они сами говорят! Более того, Терсотинцам несчастье Нормата казалось совсем мелочью по сравнению с бедой Янгиба-счетовода: первый лишился лишь одной ноги, и то только по щиколотку, а вместо нее был протез, очень похожий на натуральную ногу, Янгибай же въехал в свою деревню на коляске для инвалидов – отсутствовали обе ноги, или, как сказали бы врачи, без обеих нижних конечностей.

Жена его, из рода бывших рабов, – ну, было и такое в очень далеком их прошлом! Не переписывать же собственную историю, если тебе что-то не понравится в ней! – два-три месяца горевала, а потом как бы смирилась – люди так думали.

Однако в начале лета она отбыла в Камашу. И тогда, когда муж находился на фронте, она часто ездила туда не понятно по каким причинам. У некоторых были свои, довольно щекотливые предположения на это счет, однако, как говорится, «не пойман – не вор».

Неделей позже, вернувшись на грузовике, никому ни слова не говоря, куда-то увезла и мужа, примерно через десять дней вернулась одна. Потом люди по слухам узнали: определила мужа в дом престарелых. Хотя, какой он был старик в свои сорок лет? Найдут же люди выход, когда им очень надо!

Узнав об этом позже всех, глухонемой брат Янгибая в конце лета избил ее до полусмерти, и на второй день, к полудню, соседки нашли ту в коровнике: без сознания, всю в крови. А потом...

Нет, кажется, мы полностью перешли на сплетни и ненужные подробности «частной жизни свободной женщины»! Бог с ней, давайте лучше о нашем главном герое, Нормате!

На следующий день в его глинобитном доме с большой, открытой верандой сыграли маленький «той», то есть, как бы отметили возвращение Нормата. Зарезали достаточно жирную козу, хотя старую. Аромат горячей шурпы стоял даже над соседними деревнями Олма и Сула, ибо все они в этих местах расположены совсем рядом.

¹ Продолжение. Сокращенный и переработанный литературный вариант повести подготовлен редакцией «Звезда Востока». Подстрочный перевод И. Чориева

Односельчане, посетившие Нормата, вместо крепкого, солидного мужчины –никогда ни с кем не поборовшегося, однако прозванного «богатырем», потому что был крепкого телосложения и высокого роста, одного из первых джигитов деревни, испускавшего когда-то всем своим существом силу, только-только перешагнувшего порог тридцатилетия – увидели похудевшего мужчину с повисшей кожей вместо мышц, уже поседевшими волосами на висках, на вид, которому можно было бы дать все пятьдесят, со следами рубцов на лице тут и там, еще не избавившегося от едких запахов лекарств и мазей, живого свидетеля ими много раз наслышанной страшной войны.

Собравшимися, в основном были молодые женщины, мужья которых были на фронте, и пожилые люди – старики и старухи, еще дети которые как пришли, так сразу и начали шумно играть во дворе.

Для приема гостей хозяева выбрали не теплую комнату – не было лишней печи – а предназначавшуюся для гостей. Она была справа, рядом с той, где печь, однако гости предпочли именно ее, где обычно жили, ели, а по ночам все вместе спали.

– И так знаем, что у Нормата есть гостиная, – прикалывались они. – А какие мы вам гости? Все свои. Вот эта нам по вкусу, – кивком указывали они на комнату, куда уже начали входить один за другим без всяких церемоний, у порога снимая калоши, старые, потрепанные. – Что?! Тут не убрано, говоришь? И не надо, Анзират, дорогая, чувствуем себя не в своей тарелке, когда сидим в уютной, убранной комнате, –говорили они шутя, скорее всего, для того, чтобы та не смущалась.

Комната с печью была просторна. В нише, что в глубине ее, были сложены замусоленные – в военные годы, как и везде, мыло являлось страшным дефицитом, выдавали по маленькому куску, один раз в месяц, по списку, и то не всегда – сшитые из лоскутов одеяльца, овчина, раскрашенные в разные цвета, кошмы, разрисованные узорами, ковры ручной работы. Потолок был невысок. С двух противоположных сторон глиной заштукатуренной стены висели два продолговатых сюзана с изображением птицы, антилопы, парня и девушки, взирающих друг на друга, между которыми, кстати, был огромный горшок с цветами, подножья горы, где пасутся ягнята, а также с видом весенних дней. Если внимательно посмотреть, в глаза бросались острые, затянутые углы: под сюзана из тонкого белого полотна сложены были два платка зеленого цвета с красными цветами. Они от долгого нахождения там или – скорее всего – от влаги стены обесцветились.

Взглянув на сюзана, можно было сразу почувствовать, что девушка, когда-то вышившая их, имела золотые руки: изображение было почти произведением художественного искусства, что не в каждом доме встретишь, и достойно музея. На них запечатлены девичьи мечты, и можно было догадаться, что они были ее свадебным приданым: какая деревенская девушка придет под полог без них? Пройдут года, не одно, а десятки, их, как ценные работы, потом будет покупать бродячие по дворам цыганки-люлишки за бесценок и перепродавать втроедорога, может, еще дороже тем, кто им это заказал: многие побывавшие в Европе, Америке потом видели, что такие сюзана украшали самые фешенебельные дома.

Нормат, хотя был хозяином дома, в знак уважения и признательности, как это везде принято к вернувшимся с войны, был посажен вглубь комнаты. Старики занимали его незначительными, пустыми разговорами ради приличия, чтобы не сидеть молча. А старухи возле печи, слегка наклонившись, вступили в бойкий разговор между собой, тихо смеялись, открывая беззубые рты.

По ходу разговора в полусшепоте, чтоб обозначить свое удивление, радость или грусть, кривили морщинистые лица, играли редкими бровями, левой рукой туго держа за воротник платье – это особый признак удивления, при этом еще надо и молитву читать скороговоркой,

типа «Тавбе, тавбе, тавбе...». И, конечно же, говорили о ком-то, например, что обычно часто бывает, кто отсутствовал в этом круге...

Молодые женщины тоже пришли сюда, разве что поболтать, но их можно понять – женщин не корми медом, а только дай поговорить! Как мы уже говорили, у многих из них мужья были на фронте, а некоторые успели даже овдоветь – одна за другой приходили похоронки на них. Эти выглядели печальными, одеты были в траурные наряды и изредка, тайно взглянув на Нормата, думали: «Вот он вернулся на счастье жены и детей, хотя и на него была та зловещая бумага! Может, и мой нагрянет неожиданно, как он, пусть даже с такой ногой!»

Во дворе раздавались тарактенье посуды, крики детворы: «Не зачтено, не зачтено, еще раз повтори!», пронзительный окрик бабы, видимо, своей дочке-подростку: «Вот как! Вместо того, чтоб успокоить младенца, заигралась с ухажерами!», а чуть позже ее то ли поучение, то ли ласковое замечание, видимо, к какому-то мальчику: «Ну, тебя! Отца твоего... Так будешь продолжать, не дам тебе ее!»

И общий смех тех, кто был во дворе.

Казалось, что все разом забыли о том, что идет война, или же стараются забыть. А Нормат, взирая на лица односельчан, молчал, и было заметно, что чем-то терзается или стеснен.

Раза два попытался сидеть как все мужчины, но протез мешал ему, опять принимал изначальное положение – вытягивал ногу вперед. Начинал грустить, видя на лицах посетивших его односельчан признаки солидарности и некоторой жалости, которые они даже не старались скрыть по простоте души, а может, и думали, что так положено: все-таки человек лишился не волос на голове, а части тела! А как мы делаем вид, будто ничего с ним не произошло!

Им опять завладело чувство унижения, скорее, неполноценности, появившееся момента ампутации ноги. Молча наблюдал за женой, все еще не потерявшей былой красоты, часто заходившей к ним по делам, например, занести чай гостям, почему-то плакавшей, вместо того, чтобы радоваться, когда ночью он довольный лежал на спине после наслаждения, испытанного через столько лет без ласк и любви женщины. И тогда он искал в ней следы почти четырехлетней разлуки, но не находил: они были скрыты неизвестными ему причинами, а видел только скованность, слезы и угрюмость ее.

Ему больше всего не нравилась именно вот эта ее угрюмость, будто она не рада его возвращению.

– В комнате боритесь, в комнате! – басистым голосом кричал со двора Шариф– наездник, близкий друг Нормата. – Эй, безотцовщина (он почему-то всех мальчиков подряд так обзывал, даже если рядом стоял родной отец), вам говорю! Покажите богатырю, как это вы умеете! Ну-ка, идите сюда...

Кстати, его не взяли на войну.

В детстве, чтоб достать орехи, он залез на очень высокую орешину, а ветвь, на которой он стоял, неожиданно сломалась, он полетел вниз и, сильно ударяясь о землю, сломал себе руки. А родители только обрадовались такому «счастью»: «Бог спас! С такого высокого дерева упал и остался жив! Что?! Одна рука станет короче другой? Ничего, и с такой рукой можно жить».

Как это ни странно, впоследствии он стал лучшим наездником, женился на сравнительно... некрасивой девушке (многие ему понравившиеся девушки отказали ему в связи с его «недостатком»), народил детей, хотя жена его, помимо «недостатка в красоте», была еще...

Ладно, о ней потом. Конечно, по мне, лучше было бы вообще ничего не говорить о такой женщине!

Шариф привел в комнату двух мальчуганов лет десяти – одиннадцати. Один из них был одет в старый полосатый чапан – своеобразный ватный халат, сшиваемый из полушелкового материала, шапку-ушанку из молодой бараньей шкуры. А второй, в черном сатиновом чапане:

это уже чуть проще, обычно из хлопчатобумажного материала. На голове у него была сизоватая солдатская шапка, видимо, отцовская.

Оба пыхтели, скованно глядели на неловко сидевшего Нормата – давно его не видели, даже говорили, что будто его нет и в живых.

– Богатырь, благословите их, хотят побороться, хотят идти по вашим следам, – как бы льстил Шариф ему (он, конечно, лучше всех знал, что Нормат никогда не боролся, и с ним говорил сейчас на вы, вызывая скрытую улыбку его), может, желая повеселить его, и подталкивал мальчиков на середину комнаты. – Скатерть укоротите, скатерть! Зубай-байбича, почему тяните время! Сверните ее, ничего с ней не будет... Пусть дети покажут свое мастерство большому богатырю.

«Ишь, как заливается!» – опять думал Нормат, усмехаясь.

Он вспоминал свадьбы, что сыгрались в близких и далеких деревнях, и всегда начинались с борьбы детворы – теперь они казались ему далекой историей.

Мальчики, еще раз оглянувшись, взлохматились, как боевые петухи, и стали кружиться по узкому кругу.

– А ну! – кричал Келдияр-супи, сидевший напротив Нормата (мальчик в солдатской шапке был его сын). – Если не обелишь моего хлеба и соли, на эту ночь маму твою к себе возьму!

Все сидевшие в ответ на его слова засмеялись.

– О! – шустро начала говорить смуглая, с виду тридцатипятилетняя баба, сидевшая с молодыми женщинами, только что прозванная Шарифом Зубай-байбича. – Если отец на одну ночь берет маму к себе, потом она не отстанет от него, вцепится как пиявка...

Мальчик, свирепо взглянув на Зубай-байбича, пошел в атаку: схватив противника, оттолкнул его назад, а тот не удержался на ногах от внезапной атаки и сел. Сын супи бросился на него, а Шариф, вскочив с места, вовремя развел их: нельзя лежавшего атаковать.

Мальчики опять стали кружиться.

– Ну, шустро! – сказал мулла Саттар, который со времени своего прихода сюда полулежа дремал, не вмешиваясь в разговоры, или, как он выразился, в «болтовню», однако тут же открывший глаза, как только началась борьба между детьми.

Он был немногословен – больше слушал. Этому человеку было больше пятидесяти, но выглядел моложаво, был крепким. В этом году, женившись на несовершеннолетней внучке-сироте старухи Тынык – не отличавшейся ни красотой, ни умом и по той причине считавшейся в народе «потенциальной старой девой» в недалеком будущем – отдав две козы и три мешка муки в качестве калыма, еще больше помолодел.

На повторной атаке мальчик в сатиновом чапане немного пришел в себя, легко отбивался от нападков. А тот перешел на хитрость, поняв, что без нее не справится: неожиданно перебросил через себя противника, держа его за воротник и упираясь одной ногой ему в живот, однако опять ничего не получилось – тот упал на бок.

– Все! – сказал Шариф, выпрямляясь. – Как раз под стать большим силачам, спасибо вам, мальчики. Идите...

– Бросьте! – сказал ему вдруг мулла Саттар, возмущаясь. – Видать, не знаете, как борются настоящие джигиты?! Нет победителя, пока кто-то не закончит дустаманом?

Шариф быстро согласился с ним. Он не любил спорить и с женой, о которой, как мы обещали, в дальнейшем будет идти речь, но избил здорово, когда в чем-то провинилась...

Все началось заново.

Так как не прошла его хитрость, мальчик в солдатской шапке, готовый заплакать от обиды, теперь с правой стороны обнял соперника, а тому как раз это и нужно было: двумя руками стиснув его левую руку, дал слева сплетенный удар, что в народе называется «чил».

«Солдатская шапка» падал на спину, на обе лопатки.

– Чисто! – закричал Шариф.– Вот это да! Отца твоего тебя, безотцовщину... Как раз что надо – дустаман! Эй, Хайрулло! – позвал он, крича во двор. – Несите богатырю костный мозг (он, как и все остальные гости, знал, что во дворе, в большом котле, варится старая коза, на огне жарят голову, ее ноги – в нос ударило щекотливым запахом гари)...

Мальчик в чапане, подняв с земли упавшую шапку, надел ее и, гордо оглянувшись вокруг, стал на месте, не зная, то ли уходить, то ли остаться. А его соперник, подойдя к отцу, внезапно заплакал от обиды.

– Все, лишился матери, – сказала Зубай-байбича, хихикая, чтоб еще досадить мальчику.

Тот, взглянув на нее влажными глазами, вдруг разразился матерщиной. А она, с улыбочкой встретив его мат – будто все время ее так и ругали, можно было даже подумать, что это ей нравится – изображая ножницы двумя пальцами, угрожала ему:

– Сейчас обрежу у тебя то, что в пахе! И отцу не придется хлопотать о том, чтоб женить тебя... Ха-ха-ха!

Мальчик шмыгнув за дверь и, выйдя на веранду, опять сунулся, вытягивая шею, обзывал ее, как это делает с ней его мать: их мамы почему-то часто ругались, обзывали друг друга самыми последними словами, не стесняясь даже детей, хотя были очень близкими подругами.

– Зубай... Зубай косолапая! – показал он ей язык, а когда та угрожающе поднялась с места, слышно было, как, топая ногами, убегает.

– Да, вспылчив, – буркнул мулла Саттар. – Вся порода такая у них, – сказал он, что-то имея в виду. Присутствующие понимающе обменялись взглядами, в которых искрились подтверждения его слов.

Шариф обратился к победителю:

– Подсядь к дяде Нормату, – сказал он. – А вы, богатырь (достал же со своим «богатырем»!), подайте ему руку, поздравьте...

Мальчик почувствовал, что теперь всеобщий любимец, как победитель, и подсел к нему.

– Ты, чей сын? – спросил Нормат, с улыбкой посмотрев на мальчика.

– Эшонкула, – ответил мулла Саттар вместо него. – Богатырь во плоти...

Нормат вспомнил здорового Эшонкула, кстати, ровесника своего, кузена. Тот, кстати, как и он, ушел на войну с ее начала, и Нормат после своего приезда узнал, что с тех пор не было никаких вестей от него. А где его жена? Что-то не вижу ее, может, не пришла...

Нормат по-отцовски потрепал мальчика по плечу:

– Из него получится большой богатырь, раз сын Эшонкула!

– А как же! Он теперь настоящая опора Масиле (мать мальчика так звали), – сказал Шариф. – Знаете, когда старик Акбута шутя, сказал ему: «Теперь дай мне свою мать, ведь отец ушел на войну», он поджег хвост его ишаку...

Присутствующие, как бы оправдывая поступок мальчика, засмеялись, и по глазам мальчика было видно, что он действительно так сделал.

Мальчик все таял от того, что о нем говорят, более того, хвалят.

– Не видели моего отца? – спросил он вдруг, ласкаясь, с надеждой во взгляде.

Мальчик почему-то думал, что война – это какая-то... ровная поляна, где все всех видят, и происходит она где-то... во-о-о-н за этими горами, что окружают их деревню! И никак не мог понять: почему хоть один раз в месяц не отпускают солдат домой? Где они спят после сражений? Приходили бы после каждого боя домой, а утром опять туда... И почему, вообще, старшие воюют?! Как человек может стрелять в человека? Больно же, когда в тебя попадает пуля!

Нормат, смеясь его простодушию, мотал головой, потом хотел подбодрить мальчика.

– Придет твой отец, помни мои слова, этой... нет, следующей весной приедет, – сказал он серьезно (он еще не знал, что до окончания войны осталось мало: две весны был явный перебор с его стороны).

Когда принесли большущую кость, мальчик, тут же схватив ее двумя руками, побежал во двор, чтобы всем показать, похвастаться, заодно и сказать ребятам, что его отец обязательно вернется – дядя Нормат так сказал...

После борьбы детворы беседа среди присутствующих оживилась.

– Эй, Зубай байбича, – сказал мулла Саттар, поднимая грудь с подушки, выплевывая насвай под ковер, чуть подняв его край. – Говорят, есть письмо от Уринбая?

– Да дядя, пришло позавчера, – сказала Зубай-байбича. – Работает на заводе-фабрике...

Она не могла отличить завода от фабрики, думала, что это одно и то же место работы.

– Ого, на такую большую работу взяли?! – искренне удивившись, спросил пастух Раджаб, тоже отродясь не видевший ни завода, ни фабрики и всегда думавший, что на заводах и... как там еще... да, на фабриках работают исключительно умные люди.

– Да, – сказала Зубай-байбича. – Сам так и написал, а его письмо мне прочел сын маленького Шарипа.

– С колыбели было ясно, каким он выйдет, – вмешалась в разговор старуха Кудурат. – Все матерился по-русски. И с русскими водниками в деревне только он мог поговорить, когда те приезжали. Однажды – своими глазами видела – даже сам начальник их его хлопнул по плечу и восхвалял: «Лучше по-узбекски говори – у тебя хорошо получается»...

– А что бы это значило? – спросил мулла Саттар, не поняв слов старухи, может, из-за ее плохого произношения.

– Это... означает, что он лучше говорит по-русски, чем... – осторожно, неуверенно вставил Келдияр-супи, оглядываясь, сам не веря в правильность своего объяснения: вдруг кто-то из присутствующих его подправит, заодно и устыдит!

Но он зря опасался: таких людей не было, а Нормат, уже кое-что разбиравший в этом языке, пробыв, сколько лет на войне, отвел взгляд в сторону, чуть улыбаясь – пусть болтают, что угодно. Зачем ему умничать?

– А... – сказал мулла Саттар, мотая головой. – Тогда ему как раз там и работать...

Нормат теперь открыто улыбнулся: вся эта простота, и искренность близких ему людей была очень знакома ему и невероятно приятна. Он соскучился по ним, четыре года шатаясь по свету, повидав различных людей, нигде не услышал, таких речей, как в родной деревне. Он повеселел. Да, и такое бывает, когда хоть на время забудешь, что кто-то может и не рад твоему приезду, как это тебе все время кажется...

– Эй, Келдияр ака! – раздался со двора тонкий, пронзительный голос женщины, будто она рядом с вами сидит и кричит прямо в ухо. Кстати, познакомьтесь, читатель: это – Турсун! Вот это и есть та пресловутая жена Шарифа, о которой мы обещали завести разговор чуть позже. Кажется, это время настало. – Усмирите или нет своего сына?

Келдияр-супи, подмигивая ее мужу, подал голос с места:

– А что он сделал?

– Что сделал?! Обматерил моего сына...

– Пусть играют! Дети же, ничего не будет!

– Как ничего не будет?! А мой плачет. Ну, отца твоего (она часто подражала мужу)... иди сюда... Как?! Теперь меня?!

Послышалась беготня: кто-то убежал, кто-то догнал, и, когда все думали, что тем все кончилось и можно будет вернуться к прерванному разговору, вновь раздался голос Турсун, видимо, мальчик все еще продолжал дразнить ее.

– Хайруллабай, схватите его, плюньте насвай в его рот... Он опять о моей чести! Ты сначала возьми разрешение... у дяди Шарифа... потом, может, и подумаем вдвоем...

Все присутствующие стыдливо переглянулись, а некоторые хихикали, глядя на Шарифа: «Ну, жена же у тебя!»

Тот покраснел.

– Провоняла же! Такое говоришь ребенку, бесстыжая ты! Совсем потеряла стыд! – послышался со двора язвительный голос старухи Бийди, взявшей на себя обязанности и главной поварихи, и хозяйки сегодняшнего торжества. С утра поручая своим снохам разные работы, делая всякие замечания, она, кажется, сама смертельно устала от такого усердного старания, голос ее ослаб. А снохи ее, бедняжки? Они, из-за ее придирчивости не могли даже посидеть, как другие женщины, поговорить с соседками и подругами, с которыми давно не виделись.

Шариф как бы «поддержал» мальчика:

– Ладно, я согласен, если половину калыма заплатит, что за тебя отдал! – с места крикнул он жене.

Все расхохотались, и он вместе с ними сам.

Нормат на время забыл свое увечье, видя и слыша односельчан, занятых своими повседневными жизненными проблемами, уверовал, что может побороть не только телесные раны войны, также и душевные. Это надежда росла и тогда, когда навещали знавшие его люди из других соседних деревень – значит, не забыли его.

Торжество, начавшееся только ради приличия, вдруг приняло вид праздников довоенных лет.

– Гулять так, гулять! – сказала, вставая, старуха Бустон, сидевшая у печи и гревшая свои остроугольные плечи, подслушивая разговоры, разинув рот. Она вышла во двор, и, бог знает где, найдя лопнувшую доиру, стала бить по нему, как попало, и начала весело хриплым голосом петь:

Персиковым деревом под,
Простудилась свекровь моя.
И поругала меня, кривя рот,
Не стыдилась, свекровь моя.

Все весело смеялись. Под ритм бубна, с неподобающими старухам ужимками на морщинистом лице, в круг вступила старуха Норби, и, сбросив с головы джелак – короткое женское покрывало наподобие паранджи с рукавами и украшениями – скинув руки, как бы подражая птицам, стала плясать. Гости опять весело смеялись такому зрелищу. Старуха Бустон продолжала:

Ой, ты мой дорогой, дорогой,
Проехал, задевая тутовник.
И сердце затронул, милый мой,
Будь мной любим, будь мне любовник...

Несколько молодых женщин потянулись через окна, дверь и веранда забились детьми: они звонко стали смеяться, увидев пляску хилой старухи, которая, казалось, вот-вот рухнет от своих неуклюжих движений.

Вошедшие в азарт от такого зрелища, молодые женщины, выйдя на веранду, образовали свой круг, стали затягивать в него и девушек, большинство которых были на выданье и поэтому

скромно стояли в стороне. Старуха Норби и сюда подошла, опять пустила в ход свои простейшие песни. Терсотинцы, будто только вспомнив, что в течение четырех лет войны не собирались вот так, намеревались повеселиться вдоволь. По возвращении нескольких демобилизованных до Нормата, например, таких, как Янгибай, видя его печальное состояние, как-то рука не шла на такие мероприятия – какой праздник, когда перед тобой живой труп!

И в схватке мальчуганов чуть раньше, и в разговорах – во всем властвовало такое расположение духа. Старались хотя бы на время забыть последствия войны, которой все еще не было конца – а когда она началась, говорили, будто через неделю она закончится – громко смеялись каждому слову собеседника, если даже тот был отнюдь не смешен и не остроумен. Молодые женщины подкалывали Анзират, «ставшую легкой в походке» – после возвращения мужа, продолжали лукаво смеяться. Казалось, что бояться скорого конца этого дня, возвращения в свои дома, где все еще поджидает память и страх войны, начало той беспокойной, одинокой, усталой жизни. А тут можно хоть отвлечься.

И в самом деле, если перелистать вперед или обратно страницы этих сердец, на них все еще существовала военная жизнь, на обеих сторонах шла война и погибали, калечились или лишались чего-то там самые близкие люди – мужья, дети...

Но ничего вечного на этом свете нет: праздник кончился, к вечеру все разошлись по домам, не считая трех-четырех мужчин, близких соседей, оставшихся допоздна. Наконец, и те встали – надо, в конце концов, и честь знать! – увидев, что Нормат начал клевать носом.

Он, прихрамывая, вышел проводить их.

Сегодня очень устал, однако от того, что с войны вернулся в прежнюю жизнь, о которой даже мечтать не мог (сколько воинов погибло, рядом с ним воевавших – невозможно счесть), легко было на сердце, хотя временами...

– Что теперь будешь делать? – спросил Шариф, шедший позади всех. Держа за запястья друга, он отвел его чуть в сторону, чтобы с ним отдельно поговорить. Задержавшиеся соседи, увидев, что у них свой разговор, попрощавшись, удалились. – Не подумал?

– Не успел еще. Дай немного прийти в себя, – улыбнулся Нормат.

– Долго не думай, не такое время. Есть работа как раз под стать тебе, конечно, если не откажешься... Солидная...

– Какая?! – не понял Нормат.

– Ну... будешь бригадиром. По двум-трем аулам по близости, как я...

– Не пойдет, – сказал Нормат, немного подумав. – Не по мне...

– Почему?! Как раз для тебя. Колхоз выделит лошадь, а ты только приказывай.

– Не надо, мне намного лучше на земле работать.

Шариф, будто о какой-то тайне говорит, шепнул в его ухо:

– Мирзакуль, председатель сельсовета, просил передать тебе. Подумай еще, об одном – с такой ногой трудно будет тебе физически работать, обеспечить семью! А что твоя пенсия? Сейчас на деньги разве что-то купишь!

Нормат молчал, словно не слышал друга. Он ни знать, ни слышать не хотел о Мирзакуле, недолюбливал его. «Нашелся мне, отец родной! – думал он. – Наверное, просто сверху ему указали обеспечить меня работой как фронтовика, как сейчас везде так делают, а то он сам бы никогда... Ладно, и без него у меня головной боли много. Чего стоит такое странное поведение Анзират!»

Ночь была туманной, стоял мороз. В ауле лаяли собаки, их пронзительный вой дошел до скал на том берегу реки, оттуда вернулся несколько раз подряд повторяющимся эхом.

– Нормат, – опять начал Шариф (все-таки он хотел уговорить друга на эту работу, как сам думал, престижную по здешним меркам).

– Друг, брось, какой из меня бригадир? – вдруг возмутился Нормат. – Я же говорил, что мне на земле работать, а не изображать из себя какого-то большого начальника, как он, твой «многоуважаемый председатель», – кончил он с издевкой.

– Ну, сам знаешь тогда. Наше дело предложить.

Ему немного льстило, что председатель на него возлагает некоторые обязанности, хотя сам тоже не больно любил его, за глаза называя «выскочкой».

На том и распрощались.

Когда он зашел, дети спали у печи, Анзират сидела на краю постели на двоих. Она продолжала сидеть так, как сидела, кажется, шила что-то.

Нормат искоса посмотрел на нее: хоть бы глаза подняла! Знает же, что человек зашел!

Он, медленно раздевшись, опустился рядом.

Долго так полежав, видя, что она не шевелится, наконец, сам обратился к ней, чтобы подавить свое возрастающее раздражение: и вчера такая была! Сколько можно!

– Анзират!

Он звал жену по имени, нарушая деревенский обычай кунгиратов. У них издавна, муж и жена зовут друг друга именами своих детей, обычно, старших.

– Что? – сказала Анзират тихо, как ему показалось, неохотно, не подняв головы, однако Нормат не заметил этого, вернее, не хотел: сердце наполнялось жгучей страстью, увидев готовую постель, подумал, что это признак внимания и желания. Говорят же: надежда умирает последней!

– Анзират! – лежа, вытянувшись на вес рост, он привлек ее к себе. – Там все время о тебе думал... и детях. Богу молился... просил оставить меня в живых ради вас. Сказал, что дома такая красивая жена, очень любившая меня... Анзират, скажи что-нибудь! Что с тобой? Как я пришел, ни улыбки, ни слов, будто не рада. Или не нравлюсь уже? Думаешь, что я... калека? – последние слова он произнес с такой болью в голосе, с опаской, что получит утвердительный ответ.

Она медленно подняла глаза от работы, посмотрела на него долго, потом отвела взгляд:

– Нет, – сдавленным голосом ответила она. – От вас пришла похоронка... бумага о вашей смерти... и я думала...

Он гладил ее волосы: помнит, это когда-то ей очень нравилось. Как можно сдержаннее, ответил:

– Мы же говорили об этом вчера! Зачем ты опять? Вот, вернулся, лежу рядом. Я просто не понимаю, чего ты добиваешься! Как можно скрывать свои... чувства от собственного мужа? Кому скажешь, если не мне?

Анзират прикусила свою нижнюю губу, ресницы ее незаметно дрогнули. Теперь уже чуть влажными, грустными глазами посмотрела на него так, будто его жалеет, будто что-то хочет сказать ему, но никак не может.

Она глубоко вздохнула, потом, устало встав, сбавила свет и так тусклой лампы...

II

По преданиям, род кунгиратов, к которому принадлежали герои нашего рассказа, давно живет у подножия Гиссарского хребта, на берегу реки, так называемой Катгасу – Большой реки, с тех пор, как переехал с Бабатага и Байсунтага.

Хотя эта река не такая уж большая, в сравнении с великими реками Средней Азии, допустим, Амударьей Сырдарьей, берущими свое начало в вечных снегах на пике Памира, о

существовании которых почти во всех концах всего мира знают, в этих местах ее так зовут нежно, с гордостью.

Каттасу, к слову, тоже берущая свое начало почти что в таких же льдах, пройдя сквозь десятки и сотни деревень, вливается в водохранилище Пачкамар, построенного в середине бурного XX века, не похожего на своих предшественников по своему стремительному развитию, где мир стал совсем иным, кстати, и нравы людей тоже.

Эта река – сначала скоротечная и буйная – пройдя через деревню Лянгар, превращается в тонкий ручеек, и во время убыли воды круглые, оголившиеся глыбы в ней издали кажутся огромными яйцами разного цвета.

У нее есть одна шалость: весной бунтует. По ее течению плывут, гремя, ударяясь друг о друга, не то что мелкие камни, даже необъятные глыбы, вселяя в души страх. Если идут ливневые воды и в них попал человек или животное какое, целым оттуда не выйдет: камни перебьют его.

С другим берегом совершенно прерывается связь. Если кому что очень надо, допустим, спросить о чем-то, скажем, о самочувствии своего собеседника, пожалуйста: спокойно могут поговорить, находясь на разных берегах: течение не такое широкое, а народ тут достаточно голосист.

Весной у детей на том берегу настоящий праздник, потому что нельзя ходить на занятия на другой берег, где находится начальная школа до четвертого класса, в которой и без них не будет и половины учащихся в это время года.

Кстати, об этой школе.

Она, как уже говорили, начальная, до четвертого класса. А ребята старшего возраста, если, конечно, у них будет такая возможность, едут учиться в Кукбулак или еще дальше, в поселок Янги, являющийся административным центром района, (Камаша только после войны стал им), в специализированный интернат, где приезжие из далеких сел учатся и живут одновременно.

Временами их навещают родители, или же сами едут домой – кто как может. Некоторые, в первую очередь, крепкие ребята – а таких много – могут пешком совершить нелегкий путь на такое расстояние. Девочки же после окончания четвертого класса вовсе останутся дома, а когда им исполнится лет пятнадцать-шестнадцать – если не раньше! – их выдадут замуж.

Но не забудьте, речь идет только о том времени, когда шла вторая Мировая война, участником которой был наш герой Нормат. А теперь и там на каждом шагу есть следы цивилизации, а уровень жизни достаточно высок.

Двадцать лет тому назад (начисление лет опять идет со временем Большой войны, не забудьте: значит, это было в двадцатые годы нынешнего века), говорят, сын старика Кабула, получивший педагогическое образование в городе Карши, административном центре области – тогда и область называлась по-другому, вернее, была частью соседней, Сурхандарьинской области. А этот город назывался именем Бехбуди, в честь знаменитого просветителя, ученого, педагога, репрессированного сталинским режимом еще до начала войны. О том, что город так назывался раньше, редко кто помнит сейчас – обучал детей, ездя в другие аулы, на коне переплывал реку в ее мелком месте, как раз напротив Терсоты.

Однажды ночью, во время ливня, отец его, обеспокоенный долгим опозданием единственного сына, молодого, еще не женатого, сходил на берег, где обычно он высаживался, и увидел что-то, похожее на человеческое тело. Он, не смея сам подойти, хотя в глубине души угадывал, кто мог бы это быть, но не желая поверить, позвал соседей, и, когда вместе подошли ближе, оказалось, что это действительно тело его сына с разможенной головой: волна выбросила его, а коня вовсе нигде не было.

Уничтоженный после этого случая, старик – он за одну ночь поседел – бросив дом, всей

семьей переехал в Янгакли, находившийся далеко отсюда.

Если не говорить о погоде, что весной, из-за которой чуть ли не каждый год совершается одна трагедия, а иногда еще больше, на всем свете нет реки тише Каттасу. Зимой из-за прозрачности воды можно спокойно увидеть рыбу, плавающую подо льдом, а летом просто благодать: такого чистого воздуха по всей округе нигде больше нет – все это от ее веющей жизнью влаги.

Но вернемся к нашим кунгиратам.

Все-таки, как и почему они оказались тут, на берегах этой реки? Чем они занимаются? Много ли их? (Какой-нибудь шутник спросил бы еще, ехидничая: «А с чем их едят?»)

Кунгираты, заселяющие берега реки Каттасу, составляют пятьдесят-шестьдесят деревень, в некоторых из них всего по несколько домов, хоть по пальцам считай. Этот род в основном занимается скотоводством и земледелием, которые, если так взять, были отнюдь не разными «отраслями»: один и тот же человек может быть и тем, и другим. Так как все без исключения трудились, у них нет ни сильно зажиточных, ни очень бедных – каждый по способностям имеет результат своего труда. Если даже кто-то находится в «списке» бедных, и он имеет землю, скот, личное хозяйство. Каждый работал на своей земле. Слава богу, рабы и владельцы их ко времени нашего рассказа уже перевелись, что говорилось в его начале, когда речь шла о Янгибае и его жене. Говорят, что постыдное для цивилизованного мира такое явление нашло себе конец только с приходом... советской власти в эти места (после этого попробуй ругать ее!).

Этот род своих девушек не выдавал другим, несмотря на то, что современной наукой давно доказано, что смешивание крови очень даже полезно! Но, видимо, у кунгиратов испокон веков была совсем другая, сугубо собственная «наука» на этот счет, а та отрасль науки пока не дошла до них. Оттого часто скандалили с представителями таджикских аулов, расположенных совсем рядом, из-за «любовных послушностей» молодежи последнего поколения, для которого ни язык, ни род никакого значения не имели. Симпатичные таджикские парни всегда нравились кунгиратским девушкам, однако не всегда их выбор приветствовался, если не сказать – никогда!

Поговаривают, что род кунгиратов пришел сюда несколько веков тому назад. Никто не знает почему, однако по причине некоторых похожих на легенду обстоятельств, рассказывающихся и сейчас, он расходился по всему миру, и только маленькая часть его оказалась тут.

По тем легендам, на своей былой земле представители этого рода жили очень дружно и сытно, считали священными три вещи – землю, огонь, воду, которые до поры до времени их объединяли, между ними не было никакого раздора, а родом руководили старейшины, избранные народом.

Потом к ним пришла... война.

Нет, не откуда-то пришла, а своя, «родная»: не помнят, с чего все началось, но вдруг люди, отказавшись от прежнего образа жизни, больше стали думать о богатстве, выгоде. Начавшаяся на этой почве война все крушила, сделала их врагами. Забытая – а как же! кто тогда будет воевать? – заброшенная земля не давала уже былого урожая, к тому же началась засуха, как будто в наказание им. Люди гибли теперь от голода, еще больше ожесточились распри между ними – теперь уже за кусок хлеба. Отец шел на сына, брат на брата, так что мирная жизнь отошла, казалось, навсегда...

Тогда Бойхун (может, Бойсун?), один из старейшин рода, самый уважаемый, сказал им: «Теперь невозможно тут жить – земля, где пролита своя кровь своими же руками, не даст больше урожая, лучше мирно разойтись, пока не перебили друг друга...»

Все, как один, одобрили его, оставили ту землю, где, может, жили веками, и знаменитый род разошелся на все четыре стороны: не видели другого, наилучшего выхода.

После долгих лет скитаний, наконец, остановились на берегу Каттасу. За это время, сколько душ помиралось в дороге! Гибли на каждом шагу: на них напала шайка разбойников, отнявшая все, включая множество жизней. Свора голодных волков по ночам выла около тех мест, где они останавливались, чтобы хоть немного отдохнуть от адской усталости в дороге и жгучего солнца. Одни умирали от голода, другие – от старости, еще многие – от болезней, что все время преследовали их.

За это время Бойхун сильно постарел и лежал на смертном одре.

– Помяните мои слова: если будете воевать и дальше, скоро из нашего рода никого не останется. А это нашим врагам как раз на руку. Так что прогоняйте войну из своей жизни, научитесь жить дружно, – шепотом сказав так, он навсегда закрыл глаза.

Не знаем, сколько истины есть в этой легенде, однако кунгираты верят в ее правдивость, поминают своих предков, детей своих именуют Бойхун, Бойсун.

С тех пор прошло много времени, сколько воды утекло, однако никак не могли жить без нее, теперь – будто не хватало своих! – вмешались в их жизнь малые и большие войны с других точек земного шара, с престранными названиями местности и государств, и попали туда по принуждению. Так что беглецы от войны все еще жили в ее водовороте – их надежда еще и не думала сбыться!

А самый большой из них род – род чаржетимцев, представляет собой около тридцати-сорока деревень вокруг. Если очень хотите знать значение названия этого рода – вот как оно переводится: «Род Четырех Сирот»! Звучит? Может, да, но многим не понятно, откуда у доисторического тюркского народа, сугубо персидское название...

Вот ему краткая характеристика:

Этот род, в отличие от других, прославился своей агрессивностью и скандальностью...

Ах, вот что! Если это правда, может, именно он являлся главным организатором той резни? Мы-то, по простоте души, искали врагов, бог знает где, и скитались по всему миру в поисках новой, мирной земли, вместо того чтобы усмирить их, допустим, надев на всех смиренный халат, как в современных психбольницах!

Влезание их баб во все житейские дела...

Это вообще странно: как это допустили мужчины-чаржетимцы?!

Ростом и здоровьем...

Чего-чего, а этого не признать никак нельзя! Наверное, поэтому злые языки говорят, будто бы он из... медвежьей породы! (Это уже явная клевета! Чего только не услышишь от завистников!)

Еще они говорят, что в Роде Четырех Сирот все тупые и глупые...

Только этого не хватало! Неужели все?! Но можно убедиться, что это правда или нет, по ходу нашего рассказа.

В конце минувшего века, конечно, имеется в виду XX, красный Бердишукур (это прозвище никак не связано с большевиками или индейцами, живущими на огромном континенте за океаном: у него цвет лица был кирпичного цвета) из деревни Олма, принадлежавшей Роду Четырех Сирот, купив у человека по имени Беккам землю, находившуюся у водопада Терсота, обстроился несколькими домами, наверное, тоже устав от разных конфликтов, скандалов между членами своего рода, мечтал основать единую спокойную, дружную деревню только из своих сыновей и внуков, никого больше: посмотрим, что из этого получится, может, тогда и спокойно поживем?

Вначале эта деревня действительно показала пример другим своей мирной жизнью, а плодородная земля, где она находилась, превратила Бердишукура в достаточно богатого человека. Терсота (не пришлось придумывать имени для своей «новоиспеченной деревни»:

название водопада Терсота – чем не имя?) постепенно расширялась. В канун Второй мировой войны деревня состояла из двадцати-двадцати пяти дворов вразброс, с редкими деревьями и была окружена лесом.

А наш горемычный Нормат был единственным отпрыском младшего сына Бердишукура.

III

Тут зима предстает во всей своей красе к концу ноября, а потом до конца марта следующего года становится единственным властелином всей природы вокруг, хотя и после ее прихода на долгое время своенравная Большая река не покрывается льдом, а родники почему-то становятся теплыми-претеплыми. Иногда, при наступлении или конца чилли – особой погоды в течение сорока дней. Например, летом во время чилли нестерпимо жарко, нередко можно получить солнечный удар, а в зимнюю чиллю, от сильного мороза гибнут и люди, и животные – разыграется мороз, что перебьет даже стойкие деревья.

На сей раз, зима наступила чуть позже: сначала шел мелкий снег, вместе со льдом, приятный на вкус, а потом...

Утром люди увидели такой снег, будто весь мир покрыт им!

Нормат, вернувшись с фронта, как говорится, стал «набирать силы», принимал мумиё по советам старожилков, чтобы кости укрепить с помощью народной медицины, упражнялся в ходьбе. С конем все было бы проще, но, когда он уехал на фронт, за ним и его коня мобилизовали туда, как пригодного к войне. Ему, можно сказать, «повезло»: многих коней тогда взяли на мясо.

Поэтому купил конечно, с отсрочкой – не было у него денег сразу расплатиться – коня у того Янгибая, «друга по несчастью». Тому, как пню, без обеих ног, конь уже не понадобится – только ждать своей смерти дома...

Да, да! В это время он был дома! Глухонемой брат обратно привез его! А жену выгнали. У них не было детей, хотя около пятнадцати лет жили вместе. Глухонемой сам ухаживал за ним. Однако, забегая вперед, вынуждены сказать, что, несмотря на все старания его, Янгибай долго не протянул – скончался через две недели после того, как Нормат купил у него коня. Был потом и слух, что он покончил с собой, а как это сделал, не говорили.

В доме Нормата все было как в первые дни его приезда. Анзират, хотя у них уже началась полнокровная супружеская жизнь, занимались хозяйством и воспитанием детей вместе, до сих пор будто чуждалась его, а он, думал и терзался, что все это значит... Или...

Нет! Не может быть! Он не смеет даже подумать об этом! Она не способна на такое! Даже если будут на него сразу десять похоронок!

Дети ни на шаг не отставали от него, особенно Холмат, день ото дня подражая ему в говоре, поступках. Вечерами в свете сороковой лампы, окружая отца, они без конца спрашивали, почему у него... такая нога, не понимая, что он болезненно реагирует на такой вопрос. Анзират несколько раз объяснила им, предупредила, чтобы больше не спрашивали, однако – дети есть дети! – на другой же день опять начали, не обращая никакого внимания на строгие знаки матери со стороны.

Ходжар, играя с ним, ни с того, ни с сего взобралась на его плечо, с трудом выпрямилась вся дрожа, вытянув обе руки, прыгнула оттуда с криком, когда поняла, что больше не удержится, и весело смеялась своему озорству. Анзират в это время тихо, задумчиво сидела у печи, занималась прядью, однако по глазам было видно, что она мысленно далеко отсюда, а видя это (наблюдать за ней уже стало привычным делом для него), Нормат еще больше терзал себя: это он! Из-за меня она такая стала! Но в чем я виновен?! Может, не надо было возвращаться,

вообще? Неужели?

При таких мыслях его обдало холодом.

Нормат не знал, о чем думать: что с ней? Что это такое, в конце концов! Кто так делает? Будто, совесть у нее не чиста!

Может, лучше будет, если подальше находиться от нее? И не надо все время валяться дома, пока она не привыкла ко мне, как есть?

От таких терзаний чуть ли сам не плакал временами.

На второй день, взяв ружье, сел на Каратуша – его старого коня так звали –полагая...

Куда?! Ну, допустим... да, на охоту! Нет, зачем! Я же не на охоту на самом деле! Да, только от дома подальше!

До Бухарской бездны путь был долгий, каменистый, с зигзагами.

Когда доехал до туда, он спустился с коня и сел на большой камень, будто не понимая, почему сюда приехал, равнодушно оглянулся.

Нет, оказывается, не зря приехал, а что-то тянуло его сюда: вот слишком ему знакомый родник, где останавливался попить воды при возвращении с гурьбой джигитов из таджикских сел после купкари – козлодрания! На войне часто вспоминал, например, вот эту большую красную глыбу, на которую садился, когда пас ягнят, и рвы, тянувшиеся один за другим. Лежа в сырых окопах, мечтал хотя бы раз увидеть эти ничем не привлекавшие сейчас рвы – почему-то именно окопы напоминали ему их!

Он долго бродил по этим местам, вспоминая каждый камень, каждое дерево.

Меж рвами стоял сизый туман, и он при помощи ветра, веющего со стороны таджикских аулов, медленно двигался в сторону шумевшей реки. Было пасмурно, капал мелкий, холодный дождь. Узкая дорога – мог проехать только воз – окруженная с двух сторон возвышениями, была слякотна, затрудняла ходьбу, особенно когда подходили подъемы. Ноги коня оскользнулись: ему приходилось идти по пожелтевшему газону, что на бровке дороги. Почерневшие холмы имели грустный вид, этот же вид, на его взгляд, перешел к поблекшим елкам, и они издали выглядели старухами в черном одеянии, сидевшими на корточках.

Нормат подошел к старой, знакомой елке, на которую любил взбираться в детстве. Теперь ветви ее раздались по сторонам, многие из них зачахли, разломались, веяло едким запахом от гнилой коры, покрывавшей ствол.

Вдруг изо рвов послышалось очень ему знакомое пение куропаток и тут же исчезло среди скал. Сердце Нормата заколотилось, как у ребенка, внезапно увидевшего хорошую, желанную игрушку. Нет, не стрелять задумал он, а просто куропатки очень близко от него пели. Он надеялся видеть их. Очень уж красивые птицы! Нигде больше он не видел таких!

Кстати, он впервые увидел игрушки (ни какие-нибудь, а именно фабричные) там, удивился и от всего сердца позавидовал их детям: и нашим бы такие! Чем они хуже! Например, Ходжар бы моей вот такую куклу! Смотри, как настоящая, живая девочка! С хлопающими глазами, даже плачет, когда укладываешь спать. Интересно, что у нее ... внутри? Странно, как они это умеют делать?! наших лоскутных кукол, с пуговицами вместо глаз и тонкими хворостинами вместо ног, как сравнишь с ней! А вот это машина: даже фонари есть как настоящие – подойдет как раз для Холмата! Если вернусь домой живым, с собой обязательно прихвачу одну-другую.

Но не суждено было ему это сделать по разным, не от него самого зависимым причинам.

Он еще раз оглянулся: хотя, по его крепкой памяти, даже самые мелкие камни лежали на месте нетронутыми, ему казалось, что все изменено, уничтожено, растоптано, подавлено, подобно... его духу.

Он встал, обратно сел на коня. Проезжая через Бухарские рвы, направился в ущелье, Кат что наверху, потом – в Чит, по берегу ручейка Терсота.

В высоких горах властвовала тишина, дикий миндаль, встретившийся на его пути, сохранил семь-восемь морщинистых, недозревших ягод, такими оставшихся до зимы, боязливо качавшихся на ветру, и будто боялся лишиться их с приходом этого человека.

Дикая, девственная природа все равно положительно действовала: ускорил коня, хотел проскакать по берегу, однако старый Каратуш на какое-то короткое время подчинился ему, а потом опять замедлил ход, несмотря на то, что хозяин часто стал применять нагайку.

И это не остановило Нормата: не обуздав своих чувств, неожиданно для себя громко гикал.

В детстве, обычно вечерами, когда ехали на Каттасу со своими ровесниками, чтобы напоить лошадей, по дороге устраивали своеобразную гонку с гиканьем, где он обгонял всех, оставляя после себя густую пыль и отзвук от топота своего ветром летящего, коня.

Эх, какие времена были: и отец, и мать были живы, а он был любимым и единственным сыном!

Старый конь испугался его голоса, на ходу постарался оглянуться на него: что, новый хозяин способен и на такие штучки?! Он, вообще, сегодня как-то на себя не похож, чувствую... Вот уже вечереет, а он возвращаться домой и не думает!

Какая-то большая птица – тоже, наверное, от страха – порхнула среди ветвей барбариса, ударив крыльями его оголенные ветви, и далеко улетела.

Эхо долго отзывалось, повторяя его голос в разных окрасках. Такая игра звука очень понравилась Нормату: внимательно выслушивая ее, он опять гикал. Теперь было совсем другое звучание. Долго так повторялось, и, когда у Нормата начался хрип в голосе, вспомнил, зачем (будто бы!) выехал их дома, и повернул коня назад.

По дороге домой он смог застрелить только двух куропаток, и то одну раненную кем-то – не с пустыми же руками вернуться к детям! Пусть мать сварит что-нибудь, будет сила – вижу, они какие-то худые, бескровные. Ну, что поделаешь – не одни такие...

Может, вот так чаще выходить надо на... охоту, чем сидеть дома и отгадывать, почему жена у меня такая странная и чужая стала? Да, стоит об этом хорошо подумать.

Когда уже стало совсем темнеть, подъехал к роднику, к тому самому, где утром отдохнул. К тому же дереву привязал коня, опять сел на красную глыбу: не тянуло домой.

С чего она такая стала? Все грустит, ведет себя, будто...

Господи, прости, даже не знаешь, о чем думать!

Да, домой не тянет, но куда ему пойти? Куда?! Что... Анзират не хочет со мной жить?

Тут неожиданно для себя он обнаружил, что впервые задается этим страшным вопросом, и по телу прошла маленькая дрожь: неужели она добивается этого?! Видимо... да!

Но, вопреки его ожиданиям, Анзират встретила его очень мило: сразу было видно, что она готовила себя к такой роли, но... и фальшь сразу бросалась в глаза, несмотря на то, что тщательно хотела скрыть ее от Нормата.

Она прекрасно понимала, почему он сегодня «ушел на охоту», и теперь старалась сдерживать свои чувства, но такое старание выходило как-то неестественно, это ощущалось в каждом жесте, взгляде, улыбке, движении ее. Нормат все прекрасно видел, и стало еще грустнее на душе: «Что с тобой, Анзират? Может... откроешься, чем так терзать и себя, и меня?»

Дети, съев суп из свежей дичи, подсели к нему и попросили рассказать, но тоже который уж раз по счету, о немцах:

– На что похожи фашисты? – спрашивал Холмат, стараясь хоть немного видоизменить свой вопрос. – Учитель говорит, что выглядят как волки.

Нормат, не зная, что сказать, задумался: интересно, раньше как ответил им? Кажется... нет, не помнит! Что делать? Если скажет все как есть, что они тоже обыкновенные люди, даже очень

цивилизованные, например, детям своим красивые игрушки делают, как живые и настоящие, сыну досадно будет, что учитель врал ему. К тому же, он очень хочет, чтобы те так выглядели...

Он отвел глаза:

– Да, выглядят как... собака деда Малика.

Холмат мысленно сравнивал собаку Малика, бешено бросавшуюся на каждого встречного, с теми, с кем воевал отец: действительно... Может, они откусили ногу отцу? Да, учитель наш все знает!

Но опять спрашивает:

– И у них четыре ноги?

Нормат начинает дальше врать:

– Да... на двух ходят, а на двух...

Анзират наблюдала за ними со слабой улыбкой, но немного времени спустя опять грустно вздыхала, а чуткий слух Нормата тут же улавливал этот отзвук грусти.

Да, что-то сильно мучает ее... А что именно?!

IV

А жизнь шла своим чередом.

Нормат после той «охоты» никуда не выезжал. «Не надо самообманом заниматься, – думал он. – Сколько бы не пропадай там, все равно придется вернуться домой...»

А как иначе?

Но, не желая сложа руки сидеть, стал чинить разную утварь, к которой и не прикасался бы при другой жизни из-за ее ветхости: сломавшуюся косу, заржавевший серп и другие вещи домашнего обихода, типа ведер, замков, ручек дверей – все, лишь бы чем заняться. Все ему принесли или жена, или дети в комнату, где он всегда лежал, опасаясь простудить рану, о чем часто предупреждали его перед отправкой домой почти не ходил, разве что по нужде. Резкое изменение погоды в последние дни, вернее похолодание, отрицательно подействовало на нее. Об охоте и обеспечении семьи хоть иногда свежей дичью не могло быть и речи.

Может, не тянуть время и поехать в Камашу, показаться, иногда думал он, но тут же отложил: вдруг заставят лежать! Приехал когда? Еще и месяца нет? И сразу в госпиталь, да? Нет, надо потерпеть, и не надо представляться жене совершенно уже больным...

Дни шли и шли, скоро он вновь оказался не у дел: все починил, все смастерил. Теперь чем заняться? Может... нужно принимать предложение Мирзакула? И ездить по аулам, будто по делам государственным?

Но, душа опять сопротивлялась: никогда! Да, мог бы, но только... если бы не было от Мирзакула!

Однажды, вдруг о чем-то вспомнил, быстро поднялся с места, принес со двора на быструю руку растворенную глину, даже забыл, что холодно на улице: до того занимало его это, пока никому, кроме него, незнакомое занятие! Поместил ее на сухое место около печи, быстро стал что-то лепить из нее, кажется... нет, не то! Пока что-то непонятное...

Когда закончил, поставил готовую «продукцию» под печь.

– Пап, что это такое? – спросил Холмат, удивленно, с нескрываемым интересом наблюдавший за всеми его манипуляциями с глиной.

– Потом увидишь, – ответил Нормат, таинственно подмигивая ему: видно было, хотел сделать детям сюрприз.

Через полчаса достал оттуда свое творение. Холмат начал думать, что это птица какая-то, но непонятная. Нормат подносил ее к губам, у нее раздавался тонкий, но приятный звук.

Да, после возвращения домой, немного придя в себя, он долго сожалел, что не принес чего-то из тех игрушек, что видел там: какая была бы забава для детей! Вот, может, теперь самому надо будет делать им игрушки! Но разве это будет сравнимо с теми, что видел там!

Неожиданно появившаяся Ходжар, вся красная от мороза на улице, завизжав от радости, бросилась к нему:

– Это... мне? Дайте сюда!

Она очень сожалела, что отсутствовала, когда папа сотворил такое чудо: брат может присвоить... Вот, стоит рядом, выпучив глаза!

Так и вышло:

– Куда прешь? Ты не умеешь на ней играть, – сказал Холмат деловито, отталкивая ее. – Папа для меня сделал, я сам попросил его, – приврал он, чтобы окончательно отбиться от назойливой сестры. – Девчонки в такие игрушки не играют! Отстань, тебе говорят...

– Нет, он сделал для меня! – закричала Ходжар, отстраняя руки брата, вновь потянувшись к свистульке...

Началась настоящая война за свистульку. Делать было ничего, он успокоил дочку, готовую уже зарыдать, обещал сейчас же сделать другую, намного лучше первой и быстро приступил к делу. А Холмат, взяв свистульку, побежал во двор показывать ее соседским мальчишкам.

К вечеру, конечно, обе игрушки сломались, вернее, крошилась необожженная глина: сделать игрушку тоже оказалось не простым делом, не любительским. Хотя бы нужно было иметь под рукой специальную глину, а не то, что попало.

На этом же кончился и его талант по «игрушечной части»: он не умел другого, допустим, более сложного что-то сделать, не привык к таким делам, хотя все это очень нравилось ему самому, забавлялся, когда видел радость детей.

И начал удивлять жену другими «способностями»: на другой день он обратился к жене с показавшимся странным любой женщине вопросом:

– Нет ли у нас пряденых ниток?

Анзират изумленно взглянула на него:

– Нитки? А для чего?

– Буду вязать...

– Что... будете?! – не верила она своим ушам.

– Сказал же: вязать! Чего тут непонятного? – Нормат натянуто улыбнулся.

Анзират не удержалась:

– Может, дам еще свое... веретено?

– Я не шучу, – сказал Нормат, чуть отводя глаза. – Чем так сидеть, лучше детям вяжу... носки, что ли, – потупил он взгляд. – Можешь не верить, но, когда лежали в госпитале, одна медсестра наша, очень добрая, научила вязать разные штучки: носки для солдат, рукава... чтобы мы не скучали! Некоторые даже умудрились вязать себе одежду, понимаешь.

Анзирата мучило другое: нельзя же так! Что люди скажут?! У нас же люди ходят не ногами, а языком! Кто тут видел, чтоб мужчина вязал? Допустим, ему скучно, но...

– Почему все время дома сидите? – задала она ему вопрос, давно крутившийся на языке. – Почему не ходите по знакомым? По соседям?

Нормат пытливо взглянул на нее: не хочет, чтоб я все время дома торчал! Вот уже начала придираться...

– Не хочу, – ответил он вспльчиво, отвернувшись от нее. – Прошу, не тронь меня! До весны потерпи, и я поеду лечиться! Вон с твоих глаз! Или... кому-то мешаю тут?! А?!

Анзират побледнела, долго, пытливо посмотрела на мужа, потом, прикусив губы, встала с места, достала ему пряжу, что лежала в сундуке...

После этого разговора Анзират стала еще скрытнее, неразговорчивее, и это еще больше задело Нормата.

Холмат и Ходжар теперь любовались его новой работой, хотя, как мама, они тоже думали, что мужчинам нельзя заниматься такими делами, но, уловив момент, тоже пробовали вязать, когда, например, он на время прерывал свою работу по другим делам или отдыхал от скучной и мелкой работы. Анзират строго-настрого запретила им говорить посторонним о «чужачестве» их отца.

Вообще, они быстро привыкли к нему, хотя долго не видели, если учесть и то, что были совсем крошками, особенно Ходжар – ей тогда исполнился всего лишь год, когда отец ушел на фронт. По его прибытии ей долго втолковывали, что он ее отец, а она дичилась, прижалась к маме, даже несколько раз плакала, когда он пытался взять ее на руки, чтоб поласкать, а когда уже привыкла, сама терлась к нему, как кошка, даже с ним спала, не слушая мамы.

А Холмат с первого взгляда узнал отца, хотя долго не понимал: как так? Ведь говорили же, что он умер на... каком-то... как бишь его... да, фронте! Ой, как рыдала мать, обняв их, ничего не понимавших малюток, шепча в ухо горячим дыханием: «Что с вами будет, сироты вы мои! Как же теперь без отца! Лучше бы я умерла... Горе мне!» Пришли родные, люди из соседних домов сочувствовать ей, а сердобольные женщины-родственницы плакали не хуже ее. Впоследствии она надела синее платье в знак траура по мужу, на долгое время забыла, что такое смех, незаметная улыбка, дети часто находили ее плачущей скрыто, особенно по ночам, когда вдруг просыпались по нужде. И, на тебе! Вдруг он вернулся хромой, какой-то грустный, постаревший. На фотографиях, что в тонком пакете из-под писем, он выглядел вовсе молодцом, красивым даже. Холмат часто без разрешения матери вытаскивал их отсюда и долго любовался, она же опасалась, что ребенок испачкает их или, не дай бог, потеряет.

Но он приехал, пусть даже хромой, пусть даже... без медали! Да, да! У дяди Янгибая, приехавшего оттуда без обеих ног, ух, сколько медалей! Как они блестят на солнце! Говорят, что он ступил там на какую-то... да, вспомнил, мину!

Очень хорошо помнит: узнав о том, что отец едет домой, мать вдруг побледнела, чуть ли не упала в обморок и упала бы, если бы не поддержала ее тетя Турсун! Да, это вездесущая (мама так зовет ее за глаза) тетя Турсун прибежала к ним с такой вестью, когда уже вечерело. Все обнимала мать, поздравляла, кажется, даже плакала... или мне так показалось? Ладно, это не важно сейчас.

Почему мама, будто... не обрадовалась тогда? С чего бы это? Сама же горевала, чуть ума не лишилась, когда пришло письмо о смерти отца. А когда осталось два дня до приезда отца, она ночью, может, подумав, что я уснул – помню, она с какой-то опаской посмотрела в мою сторону, а я тут же закрыл глаза – вышла, плотно одевшись. Когда обратно вошла – не помню, уснул я к этому времени, и только утром ее увидел: глаза красные-красные, будто всю ночь плакала.

Да, не поймешь этих взрослых.

Вернувшийся с фронта Нормат обрадовался, узнав, что сын его ходит в школу и хорошо учится.

Сам не окончил даже начальной школы, не умел, ни писать, ни читать. Родившийся в начале века, еще ребенком он помогал отцу пасти овец, позднее, когда установилась советская власть, немногие ребята пошли в новые школы: как-то было непривычно учиться в школе тебе незнакомого строя, причем тут и там ее называли властью безбожников! Вместо бога у них, оказывается, есть какой-то... да, вождь пролетариата! Вместо Корана читают... как же его называли... да, «Манифест»! Или «Капитал».

А когда принудительно стали учить, причем совсем бесплатно, всех подряд, кто был

школьного возраста, даже наказывали за непосещение занятий, ходили по домам со списком в руке, было уже поздно: он уже был усатым парнем (надо иметь в виду, что советская власть установилась тут не так быстро, как в городах или административных центрах; прошло достаточно много лет, прежде чем появились первые признаки ее в лице учителей, медиков, бригадиров, председателей сельских советов и, конечно же, кумачного флага с серпом и молотом), скоро его и женили на Анзират, потом пошли дети. Муж и жена с утра до вечера работали на полях колхоза, а дальше началась война...

Да, Нормат был неграмотен, и письма с фронта за него писали другие по его просьбе, бог знает, чего только не добавив от себя. Однако после возвращения стал следить за учебой сына – а Ходжар до школы было целых три года – и верил, что с него выйдет толк.

– Нам бы быстрее поставить детей на ноги, – говорил он Анзират так, будто совсем уже старик. – Там... я мечтал определить наш Холмата в морское училище, а дочку сделать медсестрой. Ты не знаешь, я видел там моряков, что особым блатом пользовались, не то, что мы, обыкновенные солдаты-пехотинцы, на которых все свысока смотрели. Говорили, они даже на рынок на лодках плывут. Ничего, если сын будет учиться далеко от дома, а потом служит, например, тут, рядом: чем наша Катгасу не река?

В свои тридцать пять лет Нормат все еще был ребенок. «Лишь бы была река, и плыви на себе, на все четыре стороны, а люди на тебя смотрят с завистью», – думал он.

До него, неграмотного мужчины, хотя уже побывал в развитой Европе, видел несколько великих рек, одна больше и шире другой, никак не доходило, что на их реке большие корабли не могут плавать.

И не один он: редко кто понимал тут, что такое вообще корабль.

Говоря, между прочим, не только тогда, и сейчас тут не пользуются даже обыкновенной лодкой. Может, от того, что река их бурная, каменистая, нет гладкого течения, более того, много опасных водопадов на пути: не на спине же тащить ее обратно, туда, откуда начал!

Однажды утром к нему пришел Шариф, чем-то озабоченный.

– Тебя зовет Мирзакул, говорит, пусть со своим ружьем придет, – сказал он, поздоровавшись с ним.

– Что такое? – спросил Нормат удивленно. Мирзакул даже не посетил его, когда он вернулся с войны. «Кажется, он... избегает меня. Или до сих пор не забыл того скандала на сенокосе, еще до войны? Тогда чуть ли не убил я его. Или была другая причина, чего я не знаю», – думал он, вспоминая свое прошлое, ища в нем другие, может, им позабытые столкновения с Мирзакулом...

Нет, кажется, не было ничего, что стоило бы вспоминать.

Шариф подмигнул ему, незаметно кивая в сторону Анзират: она почему-то вышла из дома и стала чуть дальше от них. Нормат сначала удивился его жесту, но быстро понял: есть, кажется, что-то серьезное, что не следует знать ей.

– Оденься теплее, – сказал Шариф. – Наверное, до вечера нам не вернуться.

– Чайку бы вам попить на дорогу, – сказала Анзират Шарифу, обеспокоенная столь ранним визитом, к тому же еще с ружьем, еще хуже – мужа зовет ни кто-нибудь, а Мирзакул... Станный он человек – другой бы постарался находиться подальше от него.

Она, прикусила нижнюю губу, искоса посмотрела на мужа.

А с другой стороны... может, на работу какую хочет взять? Мужчин так мало, а работы, выше головы. Пусть! Это его обязанность устроить на работу фронтовиков, способных на что-

нибудь.

– С чаем в другой раз, Анзират. Нас ждут в Олме, в сельском совете, на... какое-то собрание, – сказал Шариф, желая показаться непринужденным.

Когда уже ехали, Шариф почему-то шепотом начал:

– Наверное, тоже слышал, что Хатам сбежал с войны? Вот! Уже три года не могут задержать. По разговорам, находился в бегах в горах Таджикистана. Так, значит, вчера, в полночь, он вернулся домой. Сапар-вор настучал. Если сегодня не поймать, опять ищи ветерана в поле. Мирзакул говорит, что ты, фронтовик, пригодишься. Кстати, есть еще трое из военкомата с новыми какими-то автоматами, каких я раньше не видел....

Нормат хорошо знал Сапара. Несколько раз, еще с малого детства, сидел по различным колониям, а в тюрьмах за грабеж и, уже в среднем возрасте. Не имел ни детей, ни семьи, изрядно потерял здоровье, его считали, и не без основания, «ухом» участкового.

Он слышал и о побеге Хатама с войны, когда у него собрались. Кто-то из стариков начал говорить об этом, но тут помешали ему, спросив у Нормата, что такое «катуша»? Сам видел ли ее? И правда ли, что одна такая ракета может снести с лица земли целый... город, как Москва?

Шариф пока говорил подробности, с каждой минутой становилось все грустнее на душе у Нормата: неужели и теперь не дадут мне покоя! Все-таки, какой же гад этот Мирзакул! Вспомнил меня, когда ему самому приказано выполнять эту грязную работу! Нет, пойду и скажу ему! И тем людям из военкомата!

В самом деле, четверо ожидали их у конторы: два солдата, по лицу, кажется, казахи, Мирзакул, и татарин-капитан.

Нормат не мог припомнить его имени, сколько ни старался, хотя много раз видел, когда их готовили к отправке, и по возвращении с фронта.

После возвращения, увидев Мирзакула на похоронах старика Норсапара, умершего под девяносто лет, думал: «Надо же! Как можно так поправиться! Чем его кормят? Ведь до моего отъезда, какой стройный был, а теперь смотреть противно».

– Нормат! К черту тебя! Пропал же! – сказал Мирзакул, неожиданно для Нормата как бы шутя, с ног до головы оглядывая его. – И предложения моего не принял! – Нормат вспомнил его предложение, переданное через Шарифа стать бригадиром. – Работать не хочешь или... жена не отпускает от себя?

Нормат не обратил внимания на его плоскую шутку и, как себе обещал всю дорогу, сказал, что было на душе:

– Мирз... председатель! Вижу, и без меня вас немало, к тому же нога у меня побаливает...

Мирзакул сразу перешел на официальный тон, перебивая его:

– Ну-ну! Нога у него! Не на мой огород работать идешь, а выполнять указ сверху! Тоже мне, воины! Вот, другой такой воин, как ты, сбежал, опозорив нас всех! Кажется, он... с вашего рода, а? – поочередно взглянул он на прибывших с усмешкой, явно желая их задеть.

– Выбирайте слов, председатель! Чаржетимцы пока еще никого не опозорили! – вспыхнул Шариф, оскорбившись его грубой выходкой. Он не хотел, чтоб так отзывались о людях тех деревень, где он являлся бригадиром, и, действительно, люди, живущие в этих деревнях, были из его рода, но только не Хатам, тот беглец, за которым сейчас идут охотиться. – А если он бежал, это на его совести! Спрос будет только с него! При чем тут наш или его род? Мы знаем людей из других родов, совершенно здоровых, но занимающихся тут бог знает чем вместо того, чтобы идти на войну и защищать...

Мирзакул побагровел как рак, сразу понял, на кого намекают.

– По мне, хоть оба оставайтесь дома! – закричал он. – Вот! – кивнул на капитана. – Человек от власти приехал! Понятно вам! Требуется поймать дезертира! Требуется, а не просит вас!

Капитан, не обращая внимания на их спор, мельком взглянул на ногу Нормата.

Он хорошо помнил его. После демобилизации, когда оформлял документы в военкомате, вставал на учет, был на приеме и у него.

– Давай, Ташанич, кончай базарить! Ничего мне слушать вашу абракадабру! Теряем время! – буркнул он Мирзакулу. – Едем. Вы тоже, солдат, поедите с нами, раз приехали! – особо обратился он к Нормату. – О вашей ноге потом будем говорить.

Шестеро вооруженных людей направились в Теракли, в том числе и Нормат, без всякого желания, возмущаясь, не переваривая последних слов Мирзакула о Хатаме: ты не стоишь и мизинца его!

Небо давно светлело, шел мелкий снег, стоял приятный холод.

– Ташанич, – сказал капитан, когда переплывали Каттасу. (Нормат очень боялся, что обмокнет раненую ногу, но все обошлось хорошо, на его счастье: вода-то была какая холодная!) – Помни, нельзя стрелять в деревне, если с ним столкнемся там, у него тоже может оказаться оружие. Сделаем вот так: ты выйдешь в ущелье и перекроешь ему дорогу – вот так окружим его и вытесним из деревни. Возьмешь вот его, – указал он на Нормата. – Стоишь поперечно к ущелью, а мы загоним его туда.

Мирзакул кивнул, свысока взглянул на Нормата и повернул лошадь туда, куда ему указывали.

– Ташанич, помни, нужно живьем взять! Понял? Без всякой самодеятельности! – не уставал давать свои указания капитан. Видно было, что он очень обеспокоен, наверное, сверху был жесткий приказ на этот счет.

Мирзакул, вновь оглянувшись назад, одобрительно кивнул капитану и хлестнул лошадь.

Хотя шел снег, земля еще не замерзла, трудно было идти лошадям. Нормат то и дело чистил ногу от падающего снега, все нервничал, в сердце вдруг проснулись бунт, строптивость и недовольство собой от нелепого подчинения. Кому еще! Этому жирному кабану!

Он с ненавистью посмотрел на двухслойный, красный затылок Мирзакула.

«Неужели эта проклятая война и тут преследует меня руками вот таких гадов? – горько думал он. – Да, прапрадед наш Бойхун был прав, когда говорил...»

Остановились у рва, откуда был вход в ущелье. Мирзакул, о чем-то подумав, ближе подошел к Нормату.

– Иди на ту сторону и стой за этим камнем, – указал на большой камень бросавшийся в глаза издали. – Не слезь с коня! Я вон там буду, – протянул он руку вперед и удалился.

«Тоже мне командир! Действительно, почему его не берут на фронт? Неужели нельзя поручить его обязанности другому, например, какому-то... ну, допустим, пенсионеру! – думал Нормат, со злобой глазами провожая широкую спину ненавистного ему человека. – Да, кабан есть кабан!»

Время шло, снег усилился, через шаг ничего не было видно. Нормат, подойдя к большому камню, тут же забыл о наставлении Мирзакула – а может, нарочно так сделал! – слез с коня, держась за его узду, несколько раз дернул затекшую ногу, почувствовал, что по всему телу...

Что?! Лихорадит? Нервы или простудился? Этого еще только не хватало!

Может, надо плюнуть на все? И разрешения просить не надо ни у кого и уйти домой? Кто они мне? Или я обязан кому? Неужели они думают, что я буду стрелять в Хатама? Для чего!

Я свое уже отвоевал! Разве не лишился ноги, заодно лишился... и любви жены?!

О, как она меня любила! Еще до свадьбы с ней встречались, и с каким страхом выходила она каждый раз из дома, и трепетала в моих объятиях, и старалась быстрее уйти, несмотря на мои старания, подольше удержать ее... Как горько плакала, когда меня среди первых призвали на войну! Особенно в ту, последнюю ночь перед отъездом! И сам тогда, помню, уже под утро, не

выдержал...

Он заметил, что глаза наполняются слезами, как тогда, той бессонной ночью...

Поспешно утер их, чтобы Мирзакул не увидел – может, подумает, что слаб характером!

Нормат поднял голову, глянул на серое небо, падающий снег, треугольные пики гор, напоминающие купола церквей, им увиденных там, вздохнул.

Он поставил ружье на камень. «Да, теперь ни в кого не стреляю, тем более, в Хатама: он мне не враг. Пусть, сами, если руки чешутся от безделья...»

Из-за густого снега та сторона ущелья еле бросалась в глаза.

– Нормат! – послышался оттуда голос Мирзакула. – Не уснул, случайно? Будь начеку! Смотри. Почему молчишь!

Нормат не хотел отвечать, но, чуть подумав, все-таки подал с места голос, в противном случае этот дурун Мирзакул может подойти к нему и увидеть покрасневшие глаза.

– Председатель, может... он давно убежал с другой стороны?

– С какой еще другой стороны? – язвительно кричал оттуда Мирзакул. – Только отсюда может, как в прошлом году! Ты еще не слышал о том случае? Он тогда тоже приехал домой, конечно, мы об этом сразу узнали, пришли с группой ловить его, но он улизнул по нашей оплошности! Да, да, именно отсюда! Но на этот раз не пройдет его номер! Нас много и...

Он не успел договорить: вдруг со стороны деревни раздался топот коня и выстрел в сопровождении криков: «Стой! Стой, стрелять буду!».

«Это не солдаты стреляли: у них автоматы», – думал Нормат, прячась за камень. Нет, не от испуга, а инстинктивно, по привычке: командиры учили их и умело прятаться, когда возникает опасность. – Тем более, им дана команда не стрелять в беглеца, а взять живьем, значит, это... Хатам!».

Тут раздался еще один выстрел, топот коней становился ближе и ближе, кто-то уже так близко от него бежал, что слышно было, как он задыхается. Нормат, взглянув в сторону деревни, сквозь густой снег увидел призрак, бежавший по кромке рва, в его руке было что-то вроде кочерги... нет, ружье!

Призрак сначала повернул в сторону Мирзакула, а, когда раздался его выстрел вверх – то ли боялся он встречи с ним, то ли был другой замысел, или не хотел нарушить строгой инструкции капитана не стрелять в беглеца – стал идти прямо к... Нормату!

– Нормат, будь начеку! – закричал Мирзакул со своего места. – Помни, только живым! Сам не стреляй!

Призрак, собрав последние силы, бежал в сторону Нормата: он заметил его белоснежный тулуп, темную бороду, а когда уж совсем приблизился, выскочил из своего укрытия.

Призрак – теперь уже ясно было, что это был Хатам – увидев его, резко поднял дуло своего ружья, увидев, что он без оружия, более того, еще хромает. Хатам заметил это, когда он невольно отступил назад, и каким-то чутьем узнал, что это Нормат. Он не знал, что тот вернулся с фронта калекой.

Он устрашающе хрипел на ходу:

– Нормат, я знаю, что это ты! Не стой на дороге! Не стой, говорят тебе! – Нормат обратил внимание на исхудалое лицо, отросшую бороду, кровью налитые глаза. – Уйди, Нормат! – сказал диким голосом Хатам, когда увидел, что тот не двинулся с места, как бы не услышав его. – И ты продался! И кому?! Ведь они истребили весь народ! Что, должен был защитить их, как ты?! Уйди, говорят!

Нормат не отрывал взгляда от его долговязого стана, вспотевшего лица, сердце сильно билось, в ушах зашумело как никогда. На фронте сколько раз разрывались бомбы вокруг него, шум которых до сих пор стоял в ушах, но такого, как сейчас, кажется, не было. «Не стреляет,

значит, его совесть пока еще на месте. Но почему бежал с войны?! Потом чтоб всю жизнь вот так жить? Разве возможно так жить? Вижу, выглядит как зверь! А какой парень был – любо было посмотреть! Не лучше ли было, как все, поехать на фронт! Или, как некоторые, посчитал, что она... не наша? Сейчас, кажется, так говорил...

А чья была она? – думал он».

Нормат знал Хатама как честного и мужественного наездника, он не хитрил во время козлодрания как некоторые; зная его характер, кунгираты и другие ему доверяли своих самых лучших коней. Как-то, кажется, на свадьбе Насыра-жовки вдвоем сняли половину призов. Тогда Хатам сказал Нормату: «Молодец, вижу, знаешь себе цену и имеешь честь. Мне нравишься. И конь твой мне понравился. Давай, теперь поменяемся конями».

Так и сделали. После этого между ними образовалась... нет, не дружба, а солидарность, взаимопонимание, как это бывает среди родственных душ. А теперь...

– Уходи, Нормат, не изводи меня, – все наступал Хатам на своего врага. – Застрелю!

Нормат стоял на месте, как скала. Он бросил быстрый взгляд в сторону, где был Мирзакул.

– Хатам, брат ты мой! – дрогнули губы у Нормата, старался потише говорить, чтоб не услышали другие, особенно Мирзакул, более близко стоявший к ним и, наверняка, все видевший. – Друг мой... бесполезно... ты без коня! Далеко не убежишь! Если не я, другие застрелят тебя! Пойми, второй раз тебя не отпустят вот так, как тогда, застрелят...

Он очень хорошо помнил наставление капитана, что нельзя стрелять в него, надо задержать живым, к тому же этот глупый Мирзакул со своего места кричал об этом, и Хатам прекрасно слышал его! Но не было гарантии, что в последний момент не изменят решение, если возникнет опасность упустить его вновь? И любимым путем, пусть даже обманом, хотел остановить этого, на редкость честного когда-то, джигита.

Хатам щелкнул затвором:

– Не учи меня! Без тебя знаю! Нас всех застрелят эти безбожники!

Времени мало было, могли и остальные подоспеть. У него другого выхода не осталось:

– Не отпущу тебя, – спокойно сказал Нормат, сколько позволяло ему заколотившееся сердце. – Хочешь, пожалуйста, застрели! Если честно и... мне не хочется жить! – невольно произнес он, сам тут же удивившись, почему так говорит, еще при таких обстоятельствах! Или говорил это как самому близкому человеку по душе?! Ведь до столкновения с ним думал об Анзират и ее странном поведении, о своей серой, безрадостной жизни...

Да разве это жизнь?!

Хатам удивленно уставился на него, но указательного пальца с курка не убрал. И размышлять над его словами, не было у него времени:

– Не хитри! В последний раз говорю, – он прицелился, скрежетал зубами. – Ну, что же, если до тебя не доходит...

– Нет!!! – Нормат пулей бросился на ствол ружья, благо, расстояние между ними было уже очень коротко – так близко подошел к нему Хатам, невольно разговаривая с ним. В нос ударило очень ему знакомым едким мужским запахом – от месяцами не мывшихся солдат в окопах так воняло. – Опомнись, Хатам!!!

Хатам не успел – может в последний момент передумал – нажать курок, но оттолкнул его, крепко схватившего ружье за ствол. Когда Нормат не отпустил ствола, чуть отступив – чтобы ударить было удобно – что есть силы, дал ему по пупу правой ногой:

– На, продажная шкура!

Нормат, не ожидавший такого удара, выпустил из рук ружье и, схватясь за живот, упал лицом в снег, а Хатам, обходя его тело, спотыкаясь на каждом шагу, стал бежать.

– Стреляй!! – вдруг со своего места закричал Мирзакул, на всякий случай лежавший на снегу,

как вовремя занятия по стрельбе на полигоне, и наблюдавший за обоими (кажется... разговаривают? О чем?!), увидев, что Хатам убегает. – Стреляй, Нормат, стреляй, а то убежит, стреляй, говорят, мать твою! Сейчас за скалой спрячется!

Позади, со стороны деревни, уже приближались остальные, кто-то по-русски матерился, Хатам, не обращая на них внимания, как горный архар, легко стал взбираться (не зря же прятался чуть ли не на Памире) вверх, казалось, он вот-вот исчезнет из вида за невысокой скалой...

Нет, не успел. Подоспевший Мирзакул, быстро прицелившись – тоже, между прочим, хороший охотник – пустил за ним первую пулю и ловким движением рук перезарядил его. Но второго выстрела не понадобилось: Хатам, всем телом содрогнувшись от попадания пули, резко обернулся, увидел Мирзакула, вновь приготавливающего свое ружье, не отрывая от него взгляда, оскалился от невыносимой боли, потом молча, всем ростом упав на спину, скатился вниз, прямо к ногам Мирзакула.

Теперь все, кроме Нормата, стояли над ним, а он лежал, стекленевшими глазами взирая на небо, из-под криво надетой шапки на глаза бросались взлохмаченные, грязные волосы, с правого края губ тонкой струей текла кровь и капала на землю.

Мирзакул, прямо сидевший на коне, резко нагнулся и поднял пятизарядное английское ружье убитого, крепко зажатое толстыми пальцами правой руки, с любопытством оглядывал его, потом бросил взгляд на капитана, желая увидеть его реакцию.

Один из солдат, быстро соскочив с коня, кончиками пальцев, будто брезгуя, приподнял голову мертвого за волосы, потом взглянул на капитана:

– Все, прямо в сердце, – сказал и со стуком опустил ее на тонкий еще слой снега.

Нормат, долго лежавший у того камня, наконец, поднялся, подошел, еле таща ноги (два солдата, стоявшие над мертвым, невольно освободили ему путь), к лежавшему на спине Хатаму. Увидев кровь, текущую на воротник, шею, у него вдруг закружилась голова, что-то больно ударило в мозг, пошатнулся.

– Что?! Жалко его? – кричал на него Мирзакул сверху. Пока он не видел никакой реакции на свои действия со стороны капитана и желал побольше набрать очков. – Захотел помочь? Предателю? Думаешь, я не заметил? И тебя бы туда, негодяй! – неожиданно для всех, прежде всего, для Нормата, нагайкой с размаху ударил его по лицу. – Запомни, за это я обеспечу тебе военный трибунал!

От сильного удара засверкало перед глазами у Нормата, дико уставился на Мирзакула, тот вновь поднял свою нагайку, но здоровая рука Нормата еще в воздухе схватила ее, сильно дернула вниз.

Мирзакул – тоже от неожиданности – не удержался на коне, а Нормат, вес забывшись, ничего не соображая, с каким-то зверским хрипом в голосе бросился на него. Он не соображал, что солдаты разводят их, поднимая его с лежащего под ним Мирзакула, толкают в сторону. Когда те стали еще активнее в своих действиях, он резким движением локтей отбил их от себя, вновь пошел на своего обидчика: в последний момент думал, что надо его задушить как настоящего врага...

Но нервы не выдержали: вдруг, пока шел, все отбиваясь от солдат, упал лицом на землю, издавая странный звук.

Солдаты, бросив Нормата на произвол судьбы, стряхивая с новой формы густой снег, подняли Мирзакула, потом вопросительно посмотрели на капитана: нам и этому помочь?

Шариф, оторопев от всего происходящего, не успел даже вмешаться в стычку, медленно приблизился к Нормату, сверху с опаской посмотрел на него: что с ним? Нервный шок? Или... умер?

У того вены на висках набухли, в углах губ появилась пена желчного цвета, и дышал совсем незаметно.

Хотя солдаты не решились помочь Нормату без указа командира, который стоял над мертвым, как бы обдумывая дальнейшие свои действия – убийство дезертира в его планы не ходило, теперь, может, даже придется отвечать перед начальством – Шариф бормотал как бы сам себе:

– Не надо, ребята, сам справлюсь... сам... это мой друг...

Он кое-как поднял его, однако не удержал еще не полностью пришедшего в себя Нормата. Он опять свалился, выскользнув из его рук.

Капитан сердито посмотрел на Мирзакула, потом спрыгнул с коня.

– Снегом, снегом! – кричал он во весь голос солдатам, заодно и Шарифу. – Натирайте висок снегом, говорят! Дайте ему спирт!

Началась беготня, и Мирзакул, после долгого раздумья спрыгнул с коня: нельзя же так стоять и наблюдать, когда все, даже капитан, обеспокоенные состоянием Нормата, кружатся над ним. Он-то надеялся, что капитан поддержит его действия относительно Хатама и Нормата, даже, может, поощрит, докладывая об этом высшему начальству, хотя его приказ не полностью выполнен. А что?! Больше ругали бы, если бы опять упустили его из рук!

А в том, что Нормат хотел помочь беглецу – был уверен! Он не слышал их разговора, расстояние было немалое, однако предполагал, что Нормат именно этого хотел. О чем еще можно вступить в разговор с дезертиром, находящимся в розыске? Он, конечно, еще раз напомним капитану – тот находился далеко, не видел «дружеской беседы» их! – найдя подходящий момент. И накажут его, как следует, например, посадят на какой-то срок, после его заявления в соответствующие органы, конечно, если Нормат останется жив.

Потом ему, вернее, им никто не будет мешать, замечтался он.

На радость его, Нормат никак не приходил в себя.

V

Как мы уже говорили в начале рассказа, старуха Бийди являлась тетей... всей Терсоты со стороны Бердишукура, хотя тераклинцы и терсотинцы были не такие уж отдаленные корни одного рода. Вот почему она во все вмешивалась, руководила всем, и считала себя в праве так поступать, когда, никого не осталось старше ее по возрасту (кстати, и в молодости водился за ней такой «грех», но не так сильно, как сейчас). Без нее, никто не за кого не сватался, лишь она определила, кто кого достоин, кто может стать хорошей невесткой или женихом.

Это только верхушка айсберга, образовавшегося всеми жизненными проблемами того рода, за который она почему-то считала себя ответственной. Терсотинцы давно примирились с этим – то ли из-за страха ее обидчивости, то ли сильного доверия к ней – все-таки она очень хорошо знала свое дело, а такие люди сейчас редкость.

Многие хотя устали от ее упреков, капризов, а временами (ох, как много было таких «времен») от всей души ненавидели, все ровно улыбались ей при встрече, льстили, приглашали даже на самые, что есть, семейные мероприятия узкого круга, где, если так взять, имей она совесть, и не имела морального права появляться.

Посторонним это могло показаться странным, если не сказать, совершенно нелепым, еще хуже, дурацки: почему слишком даже самоуверенные мужчины этого рода не выполняют ее, так называемую, роль? Куда они девались? Ладно, она, допустим, молодых мужчин или еще парней не признает, а где мужчины солидного возраста, например, старики под семьдесят, восемьдесят и больше? Перевелись? Нет, ходят же гуртами на свадьбы, похороны, сидят на

самом почетном месте на тех свадьбах и других торжествах, с бородами до самого пупка! Как же так! Почему и они двумя руками, на тарелке с каемочкой передали свои права ей? Разве это нормально? Или у них, как у людей каменного века или еще раньше, если говорить языком ученых, – матриархат? А почему она, на каждом шагу ругающая тех мужчин, упрекая их в том, что они «не такие, как раньше были», сама не даст им даже рта раскрыть, что-то самостоятельно решить? Хотя бы в святую святых – в своей собственной семье? Как это понять? Чем объяснить?

Или это у них так из-за войны? Она взяла себе роль хранительницы нравов среди родичей, как бы опасаясь, что люди, особенно бабы, из-за всяких трудностей будут вести себя, если помягче сказать, «непристойно»?

Как бы ни так! Уже говорили, что она и раньше войны держала всех родичей в своих ежовых рукавицах, почувствовав, что никто не смеет ей помешать! Стала всех подряд воспитывать, как своих малолетних детей, причем без спроса у них, ни без каких объяснений:

– Я так хочу и все! Есть вопросы ко мне?

– Никак нет! – молчаливо ответили все: мужчины и женщины, старики и старухи, подростки и дети (неудобно тут мне включать в этот список еще и солидных стариков), опуская глаза.

Ее всегда увидели или кого-то ругающей, или поучающей.

– Разве это женщины! – поговаривала она о некоторых, ей самой не нравившихся женщинах. – Женщина должна сидеть дома, как со сломанной ногой, хозяйство вести, ухаживать за мужем, кормить детей. А эти? Только и знают шататься по аулу, показывать свои ляжки. Вот вернутся мужья, все расскажу!

Мужчинам еще больше доставалось:

– Мужчина должен быть мужчиной! – гаркнула она, сплевывая. – А не женоподобным. В наше время мы неделями не слышали слов! Все делали молча! А теперь? Сплетничают хуже женщин!

Ходила она легко, выпрямившись, как сухая палка.

Некоторые овдовевшие старики иногда осмеливались прикалываться над ней:

Бийди, с каждым днем все молодеешь, с чего бы это? Давай поженимся! Что за жизнь у тебя – жить у детей! Ну, что? Завтра отправить... сватов?

И получали все, как один от ворот поворот.

После смерти мужа, Бухара-богатыря, хотя была еще очень молода, во второй раз не вышла замуж, посвятила всю себя сыновьям (их было двое), сама вырастила их. Когда многие вдовцы со всей окрестности действительно к ней сватались, она одними тем же отвечала:

– Я все еще в браке с мужем, он не давал талака... когда умирал.

Прошли годы. Когда сыновья уже поженились, появились внуки, она открылась, прежде всего, своим снохам:

– Пошла бы. Но, за кого, прикажите? Где найти было такого, как он? Его боялся даже Эмир Алимхан.

Почему эмир боялся его, встречались ли они вообще и при каких обстоятельствах – не говорила. Наверное, это был какой-то секрет «государственного значения».

Потом, как всегда, в конце стала рассказывать о покойном, вернее, о том, как он умер:

– Знаете, это рок судьбы: такой человек скончался из-за камня, что с человеческую голову! Кто спустил его с горы, кто ночью поджидал бедного у рва Бакирчи, никто не знает. Только знают, – что камень ударился о грудь, размозжил ее... Еле дотащившись до дома, сказал ей свои последние слова:

– Жена... детей не обижай, если ослушаешься, прокляну...

Старуха не устает повторять этот рассказ, и каждый раз с добавленными от себя «новыми подробностями».

– Всю ее можно вместить в один мешочек из-под муки (Она была миниатюрная женщина, не похожа была на остальных баб «медвежьей породы»), но не в целую деревню. Ей нужен простор, – метко пошутил однажды Раджаб-наездник в ее адрес, один из «претендентов на ее руку».

Именно вот эта старуха, «тетя всех тетей», как всегда, по своей инициативе сыграла очень нехорошую роль в жизни Нормата, потом принесла еще и многим другим огромное несчастье.

И была не одна: нашлись помощники, и помощница, в первую очередь, в лице Турсун.

VI

Когда началась чилля, Нормат, несмотря на боль в ноге и лютый холод, от скуки стал вывозить «местное удобрение», то есть навоз, на огород. Дети были еще малы, поэтому Анзират до полудня помогала ему, а потом, возвращалось домой, занималась домашним хозяйством, готовила кушать из того, что было под рукой.

К огромному удовольствию Анзират, готовая нить для вязания быстро кончилась, однако он успел всем связать по носкам, даже жене!

Она, молча, только грустным взглядом поблагодарила его.

После случая у ущелья, он сильно изменился. Когда очень поздно вернулись, как об этом предупредил Шариф перед уходом, страшно было смотреть на мужа. Анзират думала, что он, может, очень устал, может, нога болит – она давно заметила, что стонал от боли и во сне, и поэтому выглядит так.

О том, что там произошла ссора между мужем и Мирзакулом, узнала и Анзират, но не посмела спросить у него о подробностях. Узнала и о том, что убили Хатама не без его прямого участия, очень уважаемого когда-то им человека. Помнит, однажды он, вернувшись с множеством призов с козлодрания, очень хвалил его. А чуть позже узнав от Турсун другие подробности, например, как Мирзакул ударил его нагайкой, а тот хотел его задушить, ей чуть ли не стало дурно.

И сегодня, после полудня, к ней пришла именно Турсун, когда Анзират занималась уборкой по дому: она только что во дворе вытряхнула одеяла и зашла. Дети с соседскими детьми играли, а Нормат был на огороде.

– Анзират, – сказала Турсун, просунувшись в гостиную. – Здравствуй! Чем занята? Знаешь, какая у меня новость? Рохатой дочку родила!

– Дочку, говоришь? – Анзират повернулась к ней. – Бедная, все жаловалась – дочку бы теперь!.. А то только мальчики – один за другим. Ну и что, можно поздравить ее.

– Да, надо поздравить, но, наверное, после завершения ее чилли, – сказала Турсун.

Тут надо сказать, что и после родов тоже полагается своеобразная чилля, но это уже совсем другое понятие: в течение сорока дней никому, – кроме самых близких ей людей, живущих, например, в одном дворе, нельзя подойти к ним, роженице и ребенку, зайти в комнату: могут заразить и женщину, и ребенка.

Анзират, разговаривая с ней, одновременно засыпала меж коврами какой-то порошок, взятый у зоотехника, работавшего в колхозе, кажется, не против моли, что сейчас требовалось, а за неимением ее против клопов. Комната наполнилась его едким запахом, она, покончив с этим делом, заново аккуратно сложила все ковры и поставила на прежнее место.

Хотя стоял острый запах, все еще находившаяся на пороге Турсун зашла в комнату и села на один из тюков. Анзират недолюбливала ее, не ходила к ней, хотя их мужья как мы уже знаем

дружили с детства. Знала, какая она, и на этот раз не удостоила ее приглашением войти в дом. Несмотря на то, что было не впервые со стороны хозяйки, как всегда сильно задело гостью, но сделала вид, будто не обращает внимания на такие «мелочи».

Она улыбнулась:

– Мислима – знаешь ты ее, жена Ахмедова, учителя физики нашей школы! Как только узнала, что муж погиб, стала гулять, – сказала она, устроившись поудобнее, будто говорит о каком-то пустяке, а глаза горели, щеки краснели.

– Что, сами видели? – спросила Анзират, краем глаз увидев, что Турсун наслаждается своей новостью. – Или... кто-то вам говорил?

Турсун прикинулась, что не слышала ее.

– Общая тетя наша, Бийди, кажется, пока не знает, – продолжала она. – Ой, что будет, если она узнает! Представить трудно...

Анзират не понимала, почему старуха Бийди и Турсун враждуют между собой: обе очень хороши! Как раз и наоборот – им бы стать самыми закадычными подружками! Только и знают вмешиваться в дела других! Вот, она о бедной Мислиме! Чем она тебе не угодила? Сама задержала ее с кем-то? Как Шариф ака живет с такой! Быстрее бы ушла к себе! Нет, сидит у меня, еще, наверное, успеет к другим соседям заглянуть... Неужели дома делать нечего?

Анзират не хотела поддерживать разговора, тем дав ей понять, что пора домой... Но... что это такое?! Опять?! Что происходит? Мамочка!

– Ой, подруга, что с тобой? – сказала Турсун, наблюдавшая за ней, удивляясь ее резкой бледности, быстро встала с места и подошла ближе. – Что случилось?

Анзират чуть ли не упала, не могла понять, что с ней происходит, присела, ладонью прикрыла рот, от натуги у нее выступили слезы, поняв, что подступает рвота, побежала на веранду, под села к углу.

Турсун, выбежав за ней, стала за ее спиной, двумя руками обхватила ее голову.

– Что такое?! – испуганно осведомилась она.

– Запах... от запаха, – выговорила Анзират едва. – От запаха порошка тошнит, голова закружилась... Пройдет, и раньше было так, но тогда от запаха топленого масла, – объяснила она, как можно глубже дыша.

Турсун еще ниже согнулась, с интересом взглянула в ее лицо:

– Что?! Что ты говоришь? Как... от запаха масла?! А ну-ка, дай посмотреть...

Она, подобно Жангил-лекарке, что больше занималась шарлатанством, чем людей лечила (за это даже платили ей: кто деньгами, а кто натурой – курицей, яйцами, тряпками), бесцеремонно стала пощупать ее живот тонкими пальцами. Обессиленная от рвоты Анзират, хотя было неприятно ощущать на своем теле скользкие, змееподобные пальцы этой далеко не симпатичной ей женщины, и не думала сопротивляться, может, даже не понимала, почему она так делает.

Турсун вдруг выпрямилась, говорила, будто смущаясь:

– Как это интересно... а ну, зайдем домой... кажется, ты... Тебе обязательно надо лежать!

Анзират через силу при помощи Турсун встала, не слыша, что она говорит.

Вместе вошли в комнату.

– Есть у тебя простокваша? – спросила Турсун.

– Да, на кухне... Я сама...

– Нет, ты лежи!

Турсун сбегала за простоквашей, принесла, дала ей пить.

– Давно ли у тебя... такое? – допытывала она.

Анзират ответила, лишь бы та не пристала:

– Не знаю... Кажется, два месяца тому назад... тоже так было, – неохотно ответила она, не думая, даже не подозревая, что именно в этот миг, что проходил между ее отрывистыми словами, решалась ее дальнейшая судьба.

И не только ее одной.

Не попрощавшись с Анзират, она поспешила к выходу, а там, чуть задержавшись, хотела еще о чем-то спросить у нее, но не стерпелось, дикое чувство мести проснулось в ней: все ясно! Говорит, два месяца у нее так! А муж-то приехал когда?! Еще месяца нет! Теперь я знаю, что с тобой делать! За твое высокомерие, за неуважение ко мне! Надо же! Сама, оказывается, такая, а со мной держится как! Будто ангел! Посмотрим на тебя, когда мужу знает об этом!

Она поспешно направилась куда-то, но на дороге ее остановили:

– Турсуной-байбича, что с тобой? Откуда идешь? Рот до ушей, будто отец воскрес, – сказал старик Аляр, стоявший на плоской крыше своего коровника, куда был прямой выход с наружной двери. Постройки в его дворе были расположены как бы лестницей. Такие дворы не редкость у населения этих деревень, живущего у подножия Гиссарского хребта. – Или клад какой нашла?

– Не говорите, дядя, – усмехнулась Турсуной. Хотя она не так уж далеко успела пройти, от скорой ходьбы вся вспотела. – Скоро услышите! Или сами увидите! – Старик Аляр удивленно стал наблюдать, как она быстрыми шагами удаляется.

Это что еще? Куда она? Вижу, не к себе... К Бийди, что ли, идет? Странно... Давно ли «друзья» они? Может, письмо пришло, опровергающее смерть сыновей ее? Неужели! Была бы какая радость! Вот дура, почему мне прямо не говорит и изображает тайну? Самому пойти, поздравить, что ли? А может...

Он оттуда все видел: как Турсун зашла к Бийди, потом тут же вдвоем вышли оттуда, шли прямо – к нему что ли?! – почему-то испугался старик, – да нет, идут, кажется... к Нормату... Вот, и сам возвращается откуда-то, кажется, с огорода... еле тащит ногу, бедный, видно, что устал. Лежал бы дома, пока зима не прошла! Эх, какой был парень... И всегда грустный какой, хотя вернулся с такой войны, что не каждому суждено! Ходит задумчивый, будто... Не знаю, что с ним! И жена хорошая... Другой бы только обрадовался, что вернулся живьем с войны! А он...

Мой сын тоже воюет, и письма приходят от него почти каждый месяц, и, дай бог, чтобы вернулся живьем, но и здоровым! Не то, что как вот этот Нормат.

Вот, Бийди вместе с Турсун подбежала (он давно не видел, что старуха Бийди так быстро бегала, и почувствовал что-то недоброе) к нему, стала о чем-то быстро говорить, а Турсун, чуть в стороне, с язвительной усмешкой на губах, одобряюще кивала Нормату, когда тот, бледный, как полотно, вопросительно взирал на нее. Вот, все они зашли к нему.

Прошло минут пять, может, чуть больше...

Старик Аляр с крыши своего плоского дома все видел, но ничего не понимал.

«С ума сошли! – думал он напряженно. – Жену бьет, что ли? Чем она провинилась? Вот неблагодарный человек, а! Когда тебя не было, одна воспитывала твоих детей, работала! И такая женщина – скромная, порядочная, не то, что некоторые... Что с ним? Эти бабы ему что сказали, чтобы так беспощадно избить ее?!

Быть простым зрителем в такое время совесть не позволяла, надо что-то предпринять, убьет же...

Пока он шел к Нормату – бежать он не мог, хотя очень нужно было так сделать сейчас, но куда ему, дряхлому старику! – начал собираться и народ, а Нормат походил на настоящего безумца: бил жену, куда попало, а та молчала, не стонала даже.

– Кто?! Кто он?! – кричал он, хрипя. Лицо его почернело от злости. – Говори, сука! Если не скажешь, на этом же месте разорву на куски!

Обезумевший Нормат, кажется, быстро решил на что-то и за волосы волочил жену по грязной земле, дошел до коровника. Толпа пошла за ним.

Нормат остановился у входа.

– В последний раз спрашиваю! Говори! – орал Нормат диким голосом, будто собираясь задушить ее. – Слышишь, шалава!

Тут кое-как подоспевший старик Аляр схватил его за руку:

– В чем дело?! Что она тебе сделала?

– Отойдите! – злобно прокричал на него Нормат, освободив руки. – Не ваше дело!

Аляр не хотел отойти:

– Убить собираешься? А дети?

– Отвалите! – оттолкнул его Нормат. – Если мать такая, не надо и детей ее!

Он поднял прогнившую веревку, лежавшую под ногой, дрожащими руками кое-как соорудил из нее петлю и взглянул на балки, чтобы найти место подходящее, но тут ему опять помешали: старик Аляр – вот настырный, а! стоял бы как все, раз тебя не слушают! – повис на его руках, своим легким телом, как перо.

– Тогда... и меня повесь! Когда тебя будет судить за это преступление, чтобы люди не говорили, что я тоже был свидетелем твоего безумия! Давай...

Тут кто-то из собравшихся, подал боязливый голос:

– Что она сделала вообще?

Лысый Махамеди, тяжелый на слух, находившийся в толпе, но все еще не соображающий, что происходит, может, подбодренный поступком дряхлого старика, сдернув с руки Нормата веревку, бросил ее далеко в сторону.

– Что люди скажут?! – сказал он ему. – Что, мы уже начали друг друга убивать? Сам прекрасно знаешь, и так на войне сколько наших родных и близких погибло (его самого не взяли на фронт: был глуховат и очень маленького роста)! Что она тебе сделала? – кончил он, картавя.

В детстве и когда вырос потом, если смеялись над этим его недостатком, он говорил: «Ну и что? И великий вождь пролетариата так говорил! Сам на пластинке патефона слышал его голос, в чайхане, когда ездили с отцом в Камаша – на базар! Вы просто завидуете мне!»

После его слов все затихли.

Нормат, схватившись за голову – может, от боли, а может, от стыда, позора, в конце концов – качался, стонал. Потом сел прямо на грязную землю. А двое из стоявших рядом женщин, тихо плача, подняли лежавшую без сознания Анзират, унести домой. Услышав шаги, Нормат, будто очнувшись, вскочил с места и хотел было остановить их, однако Махамеди крепко зажал его в своих худых объятиях:

– Стыдись, дурен! – кричал он, выдыхая ему в лицо. – Если твоя жена, – запнулся он, подбирая слова, потом, краснея, продолжил. – Не знаю, что она сделала! – закричал он, будто чего-то стесняясь, может, от того, что пришло на ум. – Все равно, разве так поступают с женщиной?! Ведь она... мать твоих детей!

Женщины увели Анзират в дом под общим наблюдением глаз.

Многие сейчас думали «о том», хотя как-то не верилось: неужели?! Такая женщина, как Анзират, способна на такое?! Возможно ли?! И с кем она?! Как мы этого не заметили?!

Тут все собравшиеся испугались неожиданного, громкого, как гром, голоса:

– Эй, народ! Нормат? Что происходит в твоём... коровнике?! – Все разом оглянулись: стоял Шариф. – Что за шум, тетя Бийди? Что за сборище? В честь чего?

Бийди сначала ничего не хотела объяснять ему: кто он таков! Лучше следил бы за женой друга, когда он находился на фронте! Теперь возвышает тут голос!

Но, с другой стороны... если так взять... почему надо скрывать от него? Пусть слышит, если так ему хочется! Может, самому будет стыдно!

Скрестив на груди длинные руки, слушая ее крикливые объяснения, он все ахмурился, краснел, пыхтел, наконец, поднял взгляд, посмотрел на Бийди в упор:

– Это... Турсун вам так говорила? Жена моя?! Вы все только с ее слов? Вы ее только сегодня видите? Нормат! Что это такое? Хоть спрашивал ты у нее, у жены, прежде чем распускать руки? Может, кто-то из вас видел ее с другим?! – оглянулся он, краснея.

Толпа, как один человек, отвела взгляд в сторону:

– Нет...

– Не знаем...

Шариф усмехнулся:

– Вот дикари, а! Что, получается, много шума из ничего? Вам бы только зрелище! Даже если оно кровавое! Ну-ка, разойдись по домам! – вскричал он гремучим голосом и презрительно взглянул на Нормата. – Еще воевал, называется! Мир увидел! И после этого, нашел, кого слушать! Баб! Иди в дом, герой!

Тому – после резких и вроде бы справедливых замечаний друга нерешительно идущему к себе – помешала Бийди:

– Нет! Пока эта шлюха дома, не войдешь туда! Не видишь, что все время молчит? Если бы была права, разве так сделала бы? Ничего, узнаем, кто это ее любовник – шило в мешке не утаишь! Не слушайся его, иди ко мне! Сама тебя приучу, не унижайся... не стоит она тебя!

Все молча стали наблюдать, что будет дальше: кажется, слова друга подействовали на него, но, если правда, что мы слышали тут, примет ли он ее вновь? Почему все-таки молчала Анзират? Ни оправданий, ни согласий! Если, да... можно ли оправдать ее поступок, хотя, может, думала, что мужа нет в живых...

И кто же он таков?

Каждый по-своему, по памяти искали потенциальных кандидатов-ловеласов, однако ни на ком остановиться не могли. Может, теперь, когда ее секрет открылся, он выплывет на поверхность? Ладно, подождем...

Нормат долго стоял, потом, не поднимая головы, пополз за старухой Бийди, семенившей к своему двору: сейчас ему больше всего хотелось исчезнуть, провалиться сквозь землю, убить, уничтожить себя, и тем самым никого не видеть, никому не показываться.

А в голове кружился только один вопрос: кто он?!

За ним быстро стали расходиться и другие, некоторые сердобольные женщины, пересилив себя, вошли в дом, к Анзират: надо помочь. Какая бы она не была! Видели, вся в крови, и не дай бог ей умереть! Куда деваться потом детям ее! Еще такие маленькие, беспомощные...

Шариф тяжело вздохнул, взял крепкий, кривой черенок, стоявший в углу коровника, свирепым взглядом отыскал жену, старавшуюся не попасться ему на глаза среди шепотами расходившейся толпы, и спокойно пошел за ней...

Хорошо, что Холмата и Ходжар не было дома и этого ужаса не видели: они с детьми играли далеко от дома. Пришли только тогда, когда Анзират привели в сознание, а отца нигде не было.

Они долго не понимали, почему мать вся в крови, а женщины приводят в порядок ее разорванные, загрязненные одежды, а сами плачут и ругают...

Нет, не кого-то, а войну.

Оседлые кунгиратцы живут у подножья Гиссарского хребта на берегу небольшой реки, почему-то называемой Каттасу. Другая река, берущая начало с горных ледовых вершин, течет

мимо сотни деревень и сливается с рекой Пачкамар. Стремительная и бурная, она несет свои воды мимо кишлака Лянгар, затем превращается в тонкий ручеек. Весной река бурлит, и в ней полно огромных валунов. В период ливневых дождей, если в водоворот упадет человек, то ему фактически невозможно выбраться из него невредимым. Находясь на разных берегах, людям можно переговариваться друг с другом – здесь река не такая уж широкая и спокойная. Весной же приходится закрывать школу, так как учителям и детям становится невозможно перейти на другой берег, из-за бурного течения. Зимой благодаря чистой прозрачной воде можно увидеть ее дно. На берегу этой реки и поселились кунгиратцы.

Люди здесь в основном занимаются скотоводством и земледелием. Девушек из своего рода они не выдают замуж в чужой род, считая других неравными себе. Поэтому иногда происходят скандальные истории с жителями таджикских аулов, живущими за перевалом, для которых ни язык, ни род существенного значения не имеют.

Поговаривают, что предки кунгиратцев прибыли в эти края несколько веков назад.

Согласно легендам, рассказываемым стариками, представители этого рода жили очень дружно на своей былой земле, ни в чем не зная нужды. Они считали себя детьми трех священных стихий: земли, воды и огня. По этой причине между ними никогда не было раздоров. Земля их была богатой, плодородной, а называли они ее Долиной лилий. Во главе рода стояли старейшины, не было ни богатых, ни бедных. Затем в их край пришла война, которая сделала их врагами между собой. Необработанная земля не давала урожая, наступила засуха, люди погибали от голода. Внутри рода начались междоусобицы. Люди, отказавшись от старинных обычаев, больше мечтали о богатстве, которое украло у них доверие и любовь друг к другу.

Тогда один из старейшин рода Бойхун (может, Бойсун) решил, что невозможно продолжать так дальше жить и так как их род распался, им пришлось отправиться на поиски новой земли, для того чтобы начать мирную жизнь.

Люди с Бойхуном направились в сторону гор, к восходящему солнцу. Они стали подниматься все выше и выше. Но куда бы они ни приходили, везде их встречала враждебность – война преследовала их. И только на берегу Каттасу они узнали мир и спокойствие.

Здесь они и осели. Прошло много лет. Мудрый Бойхун состарился. Однажды, лежа на смертном одре, он сказал своим людям: «Если не найдете землю без войн, ваш мир разрушится: брат будет предавать брата, друг – друга, жена – мужа, люди станут лгать друг другу. Где проливается кровь, там рождается предательство. Счастье отвернется от этих мест, люди станут изучать не науку жизни, а науку убийства. Война все сотрет с лица земли, и из этого рода никого не останется. Все вы превратитесь в заблудившихся людей войны. Поддержите своих собратьев, которые ушли на поиски мирной земли. Если найдете такую землю, приведите и других туда...». Это были его предсмертные слова.

Прошло много времени с тех пор. Однако люди так и не смогли найти землю без войны – ее нигде не было. Кунгиратцы воевали друг с другом, война уносила их жизни.

Насколько близка была эта легенда к правде, никто не знал, однако, до сих пор все верят в ее правдивость. Детям дают имена Бойхун, Бойсун и рассказывают легенды о существовании такой земли.

Самыми многочисленными в их роду были чарджетимцы, род четырех сирот. Они населяли десятка три кишлаков. Они прославились своей неуживчивостью и скандальным нравом. Мужчины и женщины в роду были сильными и рослыми.

Около ста лет назад чарджетимец Бердишукур из деревни Олма, купив у старика Беккама землю, находившуюся у водопада Терсота, построил кишлак. Он мечтал основать спокойную и дружную общину только из своих сыновей и внуков. До войны этот кишлак жил мирной

жизнью. Плодородный чернозем давал богатые урожаи, и постепенно Бердишукур стал богатейшим человеком кишлака. В канун войны деревня состояла из двадцати пяти дворов.

Нормат был единственным сыном деда Бердишукура после девяти его дочерей.

* * *

Зима сюда приходит в конце ноября и продолжается до конца марта следующего года. Долгое время реки не покрываются льдами, а родники остаются теплыми. Бывает и так, что в период самых лютых холодов (чилла), замерзают деревья.

В тот год зима была поздняя. Нормат, вернувшись с фронта, долго приходил в себя. Он набирался сил, ощущал в себе прилив бодрости, старался много ходить, купил в «рассрочку» коня у старика Янгибая и после нескольких тренировок потихоньку стал ездить на нем. Но на душе у него все еще было беспокойно. Анзират по-прежнему была холодна с ним, а он мучился, думая, что сам является тому причиной. Дети же ни на шаг не отходили от него, особенно сын Холмат, который стал подражать ему во всем. По вечерам дети играли с отцом, дочка Хаджар, взбираясь на его плечи, прыгала на пол, весело смеясь своему озорству. Анзират же сидела безучастной у печи, крутя веретено.

Безразличие жены со временем стало раздражать его. Однажды он спросил ее: «Если моя смерть была бы правдой, ты бы небось не ходила такой насуспенной?». Услышав такое Анзират расплакалась. Нормат не знал, что и думать.

– Что происходит с тобой? – спросил он.

Успокоившись, Анзират неожиданно тихонько сказала:

– Сварить бы шурпу из куропатки...

Ее тон, вкрадчиво и нежно произнесенные слова заставили Нормата вспомнить то время, когда они были счастливыми, и ему вдруг стало радостно на душе.

На другой день он, взяв ружье и сев на коня Каратуш, отправился на охоту.

Люди уже несколько лет не охотились на куропаток. Но Нормат добрал до самых Бухарских рвов, так и не подстрелив ни одной.

Дойдя до этих мест, он забыл об охоте, углубившись в воспоминания о тех светлых, беззаботных годах, когда возвращаясь с гурьбой джигитов с таджикских сел после соревнования купкари (козлодрание), он останавливался попить воды у родника. На войне он часто вспоминал и эту красную скалу, около которой пас ягнят, и эти рвы. Лежа в сырых окопах, Нормат мечтал хотя бы еще раз увидеть эти места...

Он долго бродил здесь. Туман клубился и медленно двигался в сторону шумящей реки. Было пасмурно, моросил дождь. Узкая дорожка стала труднопроходимой из-за грязи. Ноги коня скользили, и ему приходилось идти по пожелтевшей траве покрывавшей обочину дороги.

Грустный вид имели почерневшие холмы с поблекшими елками. Они походили на старух в черном одеянии, сидевших на корточках. Он подошел к старой елке, на которую любил взбираться в детстве. Ее ветви раздались в стороны, некоторые из них зачахли, а от ствола веяло едким запахом. «Стареем, друг. – подумал про себя Нормат, – Все мы похожи на эти елки, питающиеся землей».

Вдруг снизу послышалось печальное воркование куропаток, которое тут же затерялось среди скал. На сердце у Нормата было беспокойно. Хотя все здесь оставалось по-прежнему, но он понял, что все теперь изменилось, подобно его душевному состоянию.

Он спустился в ущелье и направился вдоль ручейка Терсоты. В горах стояла тишина, травы

пожелтели, деревья стояли обнаженные, без листвы. На диких миндалях, боязливо покачиваясь на ветру, крепко держались по семь-восемь морщинистых, недозревших плодов. Он пришпорил коня. Хотел рысью пробежаться по берегу, однако, старый конь вскоре замедлил свой шаг. Нормат стал понукать коня громким гиканьем, а тот лишь вздрагивал и топорщил уши. Какая-то большая птица, выпорхнув из зарослей барбариса, улетела прочь. Его голос эхом разносился здесь. Это понравилось Нормату – он стал вновь и вновь кричать...

Когда его голос слегка охрип, он опомнился и вспомнил, зачем приехал сюда и повернул коня назад.

Под вечер он подстрелил только двух куропаток. Когда стало смеркаться, Нормат подъехал к роднику, где отдыхал утром. Привязав к дереву коня, сел на красноватый, сырой камень, лежащий возле родника. Только теперь он осознал, что вернулся к мирной и спокойной жизни, о которой мечтал на фронте. «Теперь такую мирную жизнь я ни на что не променяю. Жену не буду обижать. Буду делать добро близким и людям. Для меня теперь кончились война, кровь и смерть», – думал он. Поняв, что становится самим собой, он вдруг осознал, что возвращается к жизни. И Анзират, и эти горы, и люди, живущие здесь, были созданы для него, для его счастья и радости – это был его мир. Он широко распахнул свою душу для жизни, и душившая его боль прошла.

В тот вечер в доме Нормата был праздник. Анзират была весела и радостна. Дети, подсевшие к Нормату, спрашивали о фашистах.

– На кого похожи фашисты? – спрашивал Холмат. – Учитель говорит, что они выглядят как волки.

Нормат задумался. Если скажет, что они такие же люди, разочарует детей.

– Они похожи на собаку деда Малика, – ответил он, вспомнив собаку пастуха, которая бешено кидалась на каждого встречного. А сын не унимался:

– А у них четыре ноги, да?

– Да, они с четырьмя ногами, на двух ходят, а на двух других тащат смерть, – был его ответ.

Улыбающаяся Анзират, казалась счастливой...

Дни тянулись медленно. Нормат, не желая сидеть сложа руки, стал чинить всякую домашнюю утварь. Резкое похолодание отрицательно повлияло на его больную ногу. Как-то раз он удивил свою жену неожиданным вопросом:

– Нет ли у нас какой-нибудь пряжи?

– А для чего... вам?

– Буду вязать...

Анзират подумала, что ослышалась.

– Что... будете делать?

– Сказал же – буду вязать, – Нормат смущенно улыбнулся.

Анзират недоверчиво смотрела на него.

– Может, вам дать еще свое... веретено?

– Я не шучу, – ответил он насупившись, – Чем так сидеть, лучше детям что-нибудь свяжу...

В госпитале одна медсестра научила нас вязать разные вещи – игрушечные корзинки, носки, чтобы не скучать. Некоторые даже умудрились связать себе свитер.

Анзират знала, что скучно ему без работы. Однако, что же скажут об этом люди! Ведь они болтливы. Где это видано, чтобы их мужчины занимались вязанием!

– Почему вы все время сидите дома? – спросила она, – зашли бы к знакомым, съездили бы к родственникам.

Нормат пытливо взглянул на нее. Ну вот теперь начала придирается...

– Не хочу, – ответил он вспыхливо, отвернувшись от нее. – До весны потерпи – уеду лечиться! Или я кому-нибудь мешаю тут? А?

Анзират побледнела, затем, встав с места, достала ему пряжу из сундука.

Холмат и Хаджар теперь наблюдали за его новой работой, а иногда сами пробовали вязать. Так и проходили дни.

Нормат родился в начале XX века, с детства помогал отцу пасти овец. Когда установилась другая власть не все дети пошли в новые школы. И он также не ходил в школу.

А когда стали заставлять всех учиться и образование было бесплатным, – время Нормата было упущено – он уже был взрослым юношей. Вскоре его женили на Анзират, родились дети. Супруги с утра до вечера работали на полях колхоза, налаживали семейный быт, но вскоре началась война...

На фронте за Нормата писали письма другие солдаты.

И тогда он понял, что упущенное время не вернешь и он остался безграмотным человеком...

* * *

Однажды утром к ним домой зашел Шариф. Он был чем-то очень обеспокоен, в руках держал ружье.

– Тебя зовет Мирзакул, – говорит, пусть придет со своим ружьем, – сказал он.

Нормат был удивлен. Мирзакул еще ни разу не приходил к ним домой после его возвращения с фронта.

– Оденься потеплее, – сказал Шариф. – Может, вернемся очень поздно.

– Чайку бы вам попить на дорожку, – сказала Анзират Шарифу, обеспокоенная столь ранним визитом.

– С чаем в другой раз, Анзират. Нас уже ждут на собрании, – сказал Шариф важно.

Уже в пути Шариф шепотом стал рассказывать:

– Наверное, ты тоже уже знаешь, что охотник Хотам сбежал с фронта? Оказывается, его не могут задержать уже около трех лет. Он скрывался в Таджикистане. Вчера об этом Сапар-вор настучал. (Нормат хорошо знал Сапара, который не раз сидел в колониях и тюрьмах, не имел ни семьи, ни детей, потерял здоровье). Мирзакул говорит, что ты фронтовик, поэтому можешь пригодиться. Будут еще три человека из военкомата.

Когда Нормат с Шарифом встретили Мирзакуля, то Нормат не узнал его: «Надо же! Растолстел – дальше некуда! Чем его только кормят? До моего отъезда такой стройный был, красовался, а теперь, смотреть даже противно».

– Нормат! Ты что-то совсем куда-то пропал! – воскликнул Мирзакул, оглядывая его. – И предложения моего не принял (Нормат только сейчас вспомнил о том, что он предлагал ему стать бригадиром). Работать не хочешь или... жена не отпускает от себя?

Нормат, не обратив внимания на его плоскую шутку, сказал:

– Мирз... председатель! Вижу, что и без меня пока можете обойтись. К тому же, нога у меня все время побаливает...

Мирзакул сразу перешел на официальный тон:

– Ну-ну! Нога у него! Не на мой огород же работать идешь. Тоже мне воин! Теперь вот, другой такой же вояка, как ты, сбежал, опозорив нас всех. Кажется, он... с вашего рода, а?

– Выбирайте слова, председатель! Чарджетимцы пока еще никого не опозорили! – вспыхнул Шариф, оскорбившись от таких слов. Он не любил, когда так отзывались о людях, живущих в его кишлаке. – Если он и сбежал, то это будет на его совести! И спрос будет только с него!

Причем тут наш род? Мы, что ли, не знаем людей из других родов, совершенно здоровых, но занимающихся тут бог знает чем, вместо того, чтобы идти на войну и защищать...

Мирзакул покраснел, сразу поняв, перебил:

– По мне, хоть оба оставайтесь дома! – закричал он. – Вот! – он кивнул на капитана. – Человек от власти приехал! Понятно вам! Требуется поймать дезертира! Требуется, а не просит вас!

Татарин капитан с двумя солдатами подошел к ним. Он не обратил внимания на их спор, только мельком взглянул на протезную ногу Нормата.

– Давай, Ташанич, кончай базарить! Теряем время! Мы все поедем вместе! – обратился он к Нормату.

Шел мелкий снег, было холодно.

– Ташанич, – сказал капитан, когда переплыли Каттасу. – Помни, нельзя стрелять находясь в деревне, и если столкнемся с ним там, может оказаться так, что у него тоже есть оружие. Вот что сделаем: ты выйдешь к ущелью и перекроешь ему дорогу, затем, окружив дезертира, мы заставим его выйти из деревни. Пойдешь с ним, – сказал капитан Мирзакулу, указав на Нормата, – а мы загоним его в ущелье.

Мирзакул кивнул, с неприязнью взглянул на Нормата и повернул лошадь в указанную ему сторону.

– Ташанич, помни, нужно его живым взять, понял? Безо всякой самостоятельности! – не уставал давать указания капитан. Видно было, что он очень обеспокоен этим делом. Вероятно, был жесткий приказ на этот счет.

Мирзакул еще раз оглянувшись, послушно кивнул капитану, затем хлестнул свою лошадь.

Снегопад усилился, но земля еще не промерзла. Лошадям было трудно идти. Внезапно Нормат почувствовал растущее в душе возмущение.

Он с ненавистью посмотрел на красный затылок Мирзакула.

«Неужели эта проклятая война и тут преследует меня, заставляя связываться вот с такими гадами!» – с горечью подумал он.

Остановились у рва, откуда был вход в ущелье. Мирзакул о чем-то подумав, ближе подошел к Нормату.

– Иди на ту сторону и стой за этим камнем, – он указал на большой валун. – Не слезай с коня, понял? А я буду вон там, – указал он куда-то и ушел.

«Тоже мне командир! Действительно, почему его не берут на фронт?» – подумал Нормат с ненавистью.

Нормат, подъехав к большому камню, спешился, несмотря на наставления Мирзакула.

Невеселые размышления обуревали Нормата:

«Что-то лихорадит – это нервы или простуда? Этого еще не хватало...»

Может надо плюнуть на все? И уйти домой? Кто они мне? Неужели они думают, что я буду стрелять в Хотама? Для чего!? Я свое уже отвоевал! Разве не лишился ноги, а заодно, лишился и ... любви жены?! О, как она меня любила! Еще до свадьбы с ней встречались. Со страхом выходила из дома и трепетала в моих объятиях, но как горько плакала, когда меня призвали на войну! Особенно в последнюю ночь перед отъездом! И сам тогда, помню, уже под утро, не выдержал...»

Глаза его наполнялись слезами. Он поспешно стал утирать их, чтобы не заметил Мирзакул.

Нормат прислонил ружье к камню твердо решив: «Теперь ни в кого стрелять не буду, тем более, в Хотама – он мне не враг».

Из-за густо валившего снега та сторона ущелья была почти не видна.

– Нормат! – услышал он голос Мирзакула. – Не уснул, случайно? Будь начеку! Смотри...

Почему молчишь?

Нормат не хотел отвечать ему, но все же откликнулся:

– Председатель, может... он давно уже сбежал с другой стороны?

– С какой еще другой стороны? – язвительно крикнул тот. – Только отсюда может он уйти, как в прошлом году! Ты еще не слышал о том случае? Он тогда тоже приехал домой, а когда пришли к нему, то он улизнул по нашей оплошности! Да, да, именно отсюда! Но на этот раз не пройдет этот номер! Нас много и...

Он не успел договорить – со стороны деревни раздался топот коня, выстрел и крики: «Стой! Стой! Стрелять буду!».

Нормат спрятался за камень, как на фронте, когда появлялась опасность.

Раздался еще один выстрел, топот коней стал приближаться. Кто-то недалеко от него пробежал, и было слышно, как он задыхается. Нормат сквозь густой снег увидел человека, бежавшего по краю рва. Он сначала повернул в сторону Мирзакула, а когда раздался его выстрел вверх – беглец стал бежать в сторону Нормата!

– Нормат, будь начеку! – закричал Мирзакул со своего места. – Помни – только живьем! Сам не стреляй!

Беглец из последних сил, бежал прямо к Нормату.

Хотам устрашающе хрипел на ходу:

– Нормат, я знаю, что это ты! Не стой на дороге... не стой... тебе говорят! – Нормат увидел исхудавшего Хотаму, его обросшее бородой лицо, кровью налитые глаза. – Уйди, Нормат! – закричал Хотам, когда увидел, что тот не двинулся с места. – И ты продался! И кому?! Ведь они истребили весь народ! И я должен был защищать их... как ты?! Уйди, говорят!

Нормат не мог оторвать взгляда от его вспотевшего лица, а сердце его бешено стучало в груди. Сколько раз на фронте разрывались бомбы вокруг него, но сейчас ему было не по себе.

«Не стреляет в меня, значит – его совесть не позволяет этого. Но почему он бежал с фронта? Чтобы всю жизнь жить вот так? А ведь какой парень был смелый! Не лучше ли было, как все... А ради чего была эта война? И сейчас, кажется, он говорит об этом», – такие мысли пронеслись у Нормата.

Нормат знал Хотаму как честного и мужественного человека. Он не хитрил с людьми. Люди доверяли ему, предоставляя лучших коней. Один раз они вдвоем поделили призы. Тогда Хотам сказал Нормату: «Молодец, вижу, что знаешь себе цену, честно участвуешь в играх. Это мне нравится. И конь у тебя хорош! Давай меняться конями».

Они так и сделали. И между ними установилась солидарность и взаимопонимание, как это бывает у людей с родственными душами. А теперь...

– Уходи, Нормат, не доводи меня до греха, – теперь Хотам не просил, а приказывал ему. – Застрелю!

Нормат загородил путь ему.

– Хотам, брат мой! – Нормат говорил шепотом, чтобы не услышали другие. – Друг мой... все бесполезно... ты окружен! Если не я, другие застрелят тебя! Пойми, второй раз тебя не отпустят вот так, как тогда, застрелят...

Хотам щелкнул затвором винтовки:

– Не учи меня! Без тебя знаю! Нас всех застрелят эти безбожники!

Времени было мало, могли подоспеть и остальные. У Нормата другого выхода не оставалось:

– Не отпускаю тебя, – решительно сказал он. – Хочешь, пожалуйста, стреляй в меня... Если честно, и... мне не хочется жить, – невольно и неожиданно для себя произнес он без всякой рисовки слова, сам поражаясь тому, что говорит.

Хотам удивленно смотрел на Нормата, но указательный палец держал на курке. Вдумываться в сказанное не было времени:

– Считаешь, не смогу? Еще как! В последний раз повторяю, – он прицелился. – Ну, что же, если до тебя не доходит...

Неожиданно Нормат сам бросился на ствол ружья. В нос ему ударил знакомый по окопам едкий мужской запах.

Хотам не успел нажать на курок, но оттолкнув Нормата от себя, со всей силой ударил его по животу.

– Получай, продажная шкура!

Нормат, вскрикнув от боли, упал на землю. Хотам, спотыкаясь, пустился бежать.

– Стреляй! – вдруг закричал Мирзакул, который лежал на снегу, прячась от шальной пули. – Стреляй, Нормат, стреляй, а то он сейчас убежит, стреляй, говорят тебе!

Со стороны деревни приближались остальные члены группы захвата. Хотам легко стал взбираться вверх по склону. Казалось, он вот-вот исчезнет за невысокой скалой... Но не успел. Мирзакул, прицелившись, выстрелил в беглеца. Затем перезарядил ружье. Но второго выстрела не понадобилось – Хотам зашатался, его лицо исказила гримаса боли. В следующее мгновение его бездыханное тело скатилось к ногам Мирзакула.

Теперь все, кроме Нормата стояли над ним. Он лежал на спине, его открытые глаза были устремлены в небо, из его рта тонкой струйкой текла кровь.

Мирзакул поднял пятизарядную английскую винтовку убитого и посмотрел на капитана, ожидая его одобрения.

Один из солдат, соскочив с коня, кончиками пальцев приподнял за волосы голову мертвого и сказал взглянув на капитана:

– Прямо в сердце!

Нормат еле поднялся с земли. Увидев Хотаму в крови, он отшатнулся.

– Что? Жалко его? – закричал на него Мирзакул. – Захотел помочь? Предателю? Думаешь, я не заметил? И тебя бы туда, негодяй! – и неожиданно для всех, прежде всего, для Нормата, нагайкой с размаху ударил его по лицу. – На! Получай! Запомни, за это я обеспечу тебе трибунал!

От сильного удара и боли Нормат тихо вскрикнул, а тот вновь взмахнул нагайкой, но Нормат опередил – схватил его руку и со всей силы ударил его.

Мирзакул упал. Нормат перестал себя контролировать и с каким-то остервенением набросился на него. Солдаты стали их разнимать. Но он, раскидав их в разные стороны, вновь шел на своего обидчика – ему хотелось его придушить, как в рукопашной схватке с врагом на поле боя.

Но в какой-то момент силы его покинули, и он упал на снег, хрипя как раненный зверь.

Солдаты подбежали к Мирзакулу и помогли ему сесть на лошадь, затем, вопросительно посмотрели на капитана: этому тоже помочь?

Шариф же так растерялся от всего произошедшего, что не успел вмешаться в ссору. Он медленно приблизился к Нормату. «Может у него нервный шок? Или он умер?» – подумал он.

Солдаты без приказа командира не решались оказывать помощь Нормату. Командир стоял около застреленного человека. В его планы не входило убийство дезертира. И теперь за это он должен был отвечать перед начальством.

– Не надо, ребята, сам справлюсь... сам... это мой друг, – бормотал Шариф, пытаясь приподнять друга. Но это ему не удавалось.

Капитан сердито посмотрел на Мирзакула, затем, спрыгнув с коня, опустился перед Холматом на корточки и стал быстро натирать его виски снегом.

– Снегом, снегом! – кричал он во весь голос солдатам, заодно и Шарифу – Дайте ему спирт! – Все вокруг засуетились. Мирзакул также спрыгнул с коня – нельзя было так стоять и наблюдать за происходящим. Он надеялся, что капитан одобрит его действия относительно беглеца, хотя он и вышел за рамки исполняемого приказа.

В том, что Нормат хотел помочь беглецу – не было сомнений! Мирзакул не слышал их разговора, однако, не сомневался, что Нормат не стал бы задерживать Хотаму. Мирзакул подумал, что при случае обязательно расскажет капитану об этой «дружеской беседе». И тогда Нормат обязательно будет наказан, и его упекут на какой-нибудь срок в тюрьму. И это будет после того как он – Мирзакул подаст рапорт в соответствующие органы. А там... Там видно будет... если Нормат останется жив... И тогда ему с Анзират никто не станет мешать.

Такие мысли были у Мирзакуля по возвращению с задания.

Старуха Бийди в Терсоте взяла на себя роль хранительницы нравов своего рода. Хотя никто ее не просил об этом и даже не пожелал бы иметь такую блюстительницу обычаев.

Многие люди, устав от ее поучений, ненужных упреков, замечаний и капризов, стали ее тихо ненавидеть, но... при встрече с ней льстиво разговаривали, приглашали на семейные мероприятия.

От нее доставалось всем – и женщинам, и мужчинам.

– Разве их можно назвать женщинами! – часто бушевала она, осуждая некоторых женщин. – Женщина должна сидеть дома, вести хозяйство, ухаживать за мужем, кормить детей. А эти? Только и знают, что шататься по аулу. Вернутся их мужья – все им расскажу!.. А мужчина должен быть мужчиной, а не бабой. В пору моей молодости мы неделями не могли услышать от них даже слова! Все по дому делали молча! А теперь? Сплетничают хуже женщин!

Двигалась эта старуха легко, выпрямившись, как прямая засохшая палка.

После смерти мужа – богатыря Бухара, она хоть и была еще очень молодой женщиной, второй раз не пожелала идти замуж, посвятив себя двоим сыновьям. И сама их вырастила.

Когда говорили о замужестве, она отвечала:

– Я все еще в браке с мужем, перед смертью он не давал мне талака (развода).

Прошли годы, сыновья выросли, обзавелись семьями, родились внуки. Но как-то раз она призналась своим снохам:

– Может и вышла бы замуж... да за кого? Где было найти такого, как он?

Никто точно не знал, как умер ее супруг. Только слышали все, что огромный камень, скатившийся с горы убил его...

И вот эта старуха Бийди сыграла роковую роль в судьбе Нормата.

А Нормат остался один со своими горестями. Оказалось, что у него не было друзей кроме Шарифа, жена которого вмешалась в их жизнь.

Если говорить о женщинах, чьи мужья оказались на фронте, чаще случалось, что поступали они соответственно тем обстоятельствам, которые складывались в их жизни, а также в силу своих природных наклонностей. Но только безграничное отчаяние толкает порядочную женщину совершать поступки, на которые она никогда бы не только не отважилась, но и не подумала бы об этом.

Историю Мирзакуля и Анзират нельзя назвать единичным случаем из жизни. Мирзакул изнасиловал эту женщину, затем... полюбил. Анзират была уверена, что муж ее погиб, а дальше надо было растить детей – голодных детей. К тому же Мирзакул хотел впоследствии стать мужем Анзират...

А зимние морозы продолжались. Казалось, этой зиме не будет конца.

Нормат стал помогать жене по хозяйству. Анзират работала с ним до обеда, а потом занималась домашними делами.

Нормат сильно изменился. Анзират очень переживала, когда узнала об убийстве Хотамы и других подробностях, связанных с ее мужем и Мирзакулом.

Как-то днем Анзират занималась уборкой в доме. Дети находились у родственников, а Нормат возился в огороде.

К ним домой заглянула Турсуной, жена Шарифа. Анзират ее недолюбливала за ее длинный язык. Та чувствовала это и мечтала когда-нибудь ей отомстить.

– Здравствуй подруга! Чем занята? Ой, будто уезжаете куда-то! – затараторила она.

– Лучше бы уехать подальше от тебя, – шепотом сказала Анзират. Затем добавила – Представляешь, моль попала в одежду и в одеяла. Сколько труда вложила, берегла! Вот тебе результат! Испортила моль и одежду, и одеяла.

Турсуной стала рассказывать о новостях в деревне:

– Знаешь, Рохатой дочку родила!

– Дочку, говоришь? – Анзират повернулась к ней. – Все мечтала о дочери, ведь у нее только мальчики.

– Да, надо поздравить ее.

Анзират, разговаривая с ней, успевала сыпать между одеялами какой-то порошок, который ей дал зоотехник с фермы (порошок был не то от моли, не то от клопов). В комнате стоял едкий запах. Покончив с этим делом, Анзират аккуратно сложила все одеяла.

Хотя в комнате и стоял неприятный запах, Турсуной все равно зашла в комнату, как к себе домой, и села неподалеку от хозяйки. Она очень редко заходила к ней, хотя их мужья и дружили с детства. Анзират не удостоила соседку приглашением в дом, а это сильно задело нежеланную гостью, делавшую вид, что она не обращает внимания на такие «мелочи».

– Знаешь, Муслима, жена учителя нашей школы, когда узнала что ее муж погиб, стала блудничать, – сказала Турсуной, устроившись поудобнее.

Анзират вспомнила о ней и ответила:

– Бедная женщина даже года не прожила с мужем, – Анзират, увидев, что соседка не спешит удалиться начала сердиться.

– Тетя Бийди, кажется, пока не знает об этом – продолжала Турсуной с издевкой в голосе в адрес старухи. – Ой, что будет, если она узнает! Представить даже трудно...

Анзират не знала, почему старуха Бийди и Турсуной недолюбливают друг друга – ведь обе горазды позлословить в чей-то адрес и могли бы быть самыми близкими подружками! Она подумала: «Только и знают, что вмешиваться в дела других! Теперь вот обсуждают бедную Муслиму. Чем она им не угодила? И как только бедный Шариф-ака живет с такой женщиной? Быстрее бы ушла к себе! Нет, с утра бегают по соседям... Неужели дома делать ничего?».

Анзират не стала поддерживать разговор, тем самым давая понять, чтобы гостья собиралась восвояси.

Но вдруг неожиданно у нее закружилась голова. Она, еле удержавшись на ногах, присела и стала сильно кашлять, прикрывая рот ладонью.

– Ой, подруга, что с тобой? – воскликнула Турсуной, удивляясь бледности ее лица. – Что случилось? О, Боже...

От сдерживания рвотных позывов у Анзират выступили слезы. Она, убежав во двор, присела за углом дома – ее рвало. Турсуной, выбежав вслед за ней, стала за ее спиной, двумя руками обхватив ее голову.

– Отчего это все? – будто испуганно осведомилась Турсуной.

– Зап... запах, – еле выговорила Анзират. – От запаха порошка тошнит меня, голова

закружилась... Не беспокойся, пройдет, и вчера было также, но только тошнило от запаха топленого масла, – сказав все это, она как можно глубже стала дышать.

Турсуной наклонилась к ней и с интересом взглянула в ее лицо:

– Что?! Что ты говоришь? Как ... от запаха масла?! Ну-ка, дай посмотреть...

Она бесцеремонно стала трогать живот Анзират своими холодными пальцами. Обессилевшая Анзират не сопротивлялась ей, хотя было неприятно ощущать скользкие пальцы этой не симпатичной ей женщины.

Турсуной вдруг выпрямилась и заговорила, суетясь:

– Как это интересно... Давай пойдем домой... кажется, ты... Тебе обязательно надо лежать!

Анзират с помощью Турсуной встала, не прислушиваясь к полупамяткам гостыи.

Они вместе вошли в комнату.

– Есть у тебя простокваша? – спросила Турсуной.

– Да, на кухне... Я сама...

– Нет, ты лежи!

Турсуной принесла простоквашу, чтобы дать ей выпить.

– Давно ли у тебя... такое? – допытывалась она.

Анзират машинально ответила, лишь бы та не приставала:

– Не знаю... Кажется больше двух месяцев тому назад... тоже так было, – не подумав ответила она, не подозревая, что именно в этот миг и решила ее дальнейшая судьба. И не только ее судьба...

Турсуной кое-как распрощавшись с Анзират, выбежала из дома. В ней проснулось дикое чувство мести: «Говорит: два месяца у нее так! А муж-то приехал когда? Не полный месяц! Ну, теперь знаю, что с тобой делать! За твое высокомерие, за неуважение ко мне! Надо же! Сама, оказывается, «непростая», а со мной как держится! Будто ангел! Посмотрим на тебя, когда муж узнает об этом!», и она поспешно направилась к старухе Бийди.

Турсуной зашла к ней, затем они вдвоем и направились к дому Нормата, который как раз в этот момент возвращался с поля.

Обе женщины подбежали к нему и стали наперебой о чем-то быстро говорить. Слушая их, Нормат все больше бледнел. Затем все зашли к нему домой...

Прошло некоторое время... К дому Нормата стали собираться люди, услышав, что у него там творится что-то неладное.

Хозяин походил на безумца. Он избивал свою жену. Бедняжка старалась молча сносить удары.

– Кто?! Кто, он?! – кричал Нормат хриплым голосом. – Лицо его посерело от ярости. – Говори, дрянь! Если не скажешь, на этом же месте разорву тебя на куски!

Обезумевший Нормат, схватив жену за волосы, поволок ее по грязной земле до коровника. Толпа в нерешительности и с любопытством к чужому несчастью следовала за ним...

– В последний раз спрашиваю!.. Говори! – орал Нормат утробным голосом. – Слышишь!

Тут старик Альяр схватил его за руку:

– Опомнись! В чем дело?! Что она сделала?

– Отойдите! – злобно прокричал на него Нормат, освободив руки. – Не ваше дело!

Альяр не сдавался:

– Убить собираешься? А дети? Хочешь их сиротами сделать? При живой матери?

– Отойти! – опять оттолкнул его Нормат. – Если мать такая, не надо и детей ее!

Он, словно не замечая вокруг себя никого, поднял с земли прогнившую веревку.

Дрожащими руками кое-как соорудил из нее петлю. Взглянул на балки потолка коровника. Но тут ему опять помешал старик Альяр. Он крепко повис на его руке.

– Тогда... и меня повесь! Чтобы, когда тебя судить будут за это преступление, люди не говорили – вот этот старик тоже был свидетелем твоего безумия! Давай...

Тут кто-то из собравшихся подал боязливый голос:

– Что она сделала вообще?

Лысый Махамеди, находившийся в толпе, встал на сторону старика. Он выдернул из руки Нормата веревку и закинул ее далеко в сторону.

– Подумай, что люди скажут?! – Что мы уже начали друг друга убивать? Сам прекрасно знаешь, и так на войне сколько наших родных и близких погибло! (Его не взяли на фронт из-за глухоты и невысокого роста).

После этих слов Нормат, схватившись за голову, закачался и застонал. Затем, уже без сил он сел прямо на свежий навоз, а несколько женщин, тихо плача, подняли лежавшую без сознания Анзират и понесли ее в дом. Увидев, что его жену уносят, он попытался выскочить из сарая, и продолжать расправу над той, что навлекла позор на их дом и семью. Но его остановил Махамеди.

– Стыдись, дурень! Если твоя жена... – он запнулся, подбирая слова, потом, краснея, стал продолжать. – Не знаю, что она сделала, но все равно, разве так поступают с женщиной?! Ведь, она... мать твоих детей!

Всем присутствующим и ему не верилось, чтобы Анзират могла изменить мужу.

Тут неожиданно раздался громкий возглас Шарифа:

– Эй, Нормат! Что происходит в твоём... коровнике?!

Все разом оглянулись: за ними стоял Шариф.

– Что за шум, тетя Бийди? Что за сборище? В честь чего?

Бийди сначала ничего не хотела объяснять ему: кто он такой? Хотя бы он присматривал бы за женой друга! Теперь же подает тут свой голос! Тоже мне начальник! Что же, пусть узнает обо всем! И она стала все ему с негодованием разъяснять.

Слушая ее, Шариф то хмурился, то краснел и, наконец, взглянув в упор на Бийди, спросил:

– Это... Турсунуной вам так говорила? Жена моя? Вы «затеяли» все только с ее слов? Вы узнали какая она только сегодня? Нормат! Что это такое? Хоть спрашивал ты у нее, у жены, прежде чем распускать руки? Может, кто-то из вас увидел ее с другим? – он оглянулся.

Все как один, отвели взгляд в сторону:

– Нет...

– Не знаем...

Шариф усмехнулся:

– Вот дикари, а! Получается, много шума из ничего? Вам бы только зрелища! Даже если оно кровавое! Ну-ка, разойдись по домам! – закричал он и презрительно посмотрел на Нормата. – Еще воевал, называется! Мир увидел! Нашел, кого слушать! Поверил кому! Бабам! Иди в дом, Нормат...

Нормату, нерешительно взглянувшему на окружающих после резких и вроде бы... справедливых замечаний друга, помешала Бийди:

– Нет! Пока эта шлюха дома, не войдешь туда! Не видишь, что все время молчит? Если бы была права, разве бы молчала? Ничего, обо всем узнаем! Шило в мешке не утаишь! Не слушайся Шарифа. Пойдешь ко мне, Нормат, сама тебе дам приют. Не унижайся, племянник мой. Не стоит эта женщина тебя!

Все ожидали – что же будет дальше. Слова друга подействовали на Нормата. Но оставить ли ее жить в своем доме? Почему же все-таки молчит Анзират? Не оправдывается! Может она

думала, что мужа уже нет в живых прежде чем преступить эту черту? И кто же он, этот человек, сбивший ее с пути?

Нормат долго стоял, не поднимая головы, затем побрел за старухой Бийди, семенившей к своему дому. Сейчас ему больше всего хотелось исчезнуть, провалиться сквозь землю, убить жену, уничтожить себя. Не хотел никого видеть. И в голове кружился только один вопрос: кто же он?

Толпа стала расходиться. Некоторые сердобольные женщины, пересилив себя, вошли в дом к Анзират. Они видели ее всю в крови и сочувствовали ей в ее несчастье – не дай бог ей умереть! Куда деваться тогда ее детям! Ведь они еще маленькие...

Шариф тяжело вздохнул, взяв в руки тоненькую палку, стоявшую в углу коровника, направился к выходу и свирепым взглядом отыскал жену, старавшуюся незаметно скрыться от него...

Холмата и Хаджар не было дома, поэтому они не видели всего этого кошмара. Дети гостили у родственников, живших в соседней деревне. Нормат к вечеру вместе с женой должен был привести их домой.

Но вечером Нормат никуда не пошел. На какое-то время он вообще забыл, что у него есть дети. Исчезла привязанность не только к ним, к жене, но и к самой жизни...

Мирзакул был пышущий здоровьем мужчина с привлекательной внешностью. Он нравился многим женщинам. Поначалу для Анзират его внимание к ней казалось непонятным, ведь вокруг было столько молодых женщин и девушек.

Мирзакул же очень благосклонно относился к ней. Однажды выделил ей пшеничную муку, являющуюся во время войны большой редкостью. Или постоянно предлагал ей свою помощь, повторяя: «Принимай мою помощь, не как от меня, а как от правительства, помощь семье погибшего фронтовика».

Зимы в этих краях суровые, дети часто болели и плакали от голода. В доме не было даже ячменного хлеба, не говоря уже о ржаном, а помощи ждать было неоткуда.

В начале марта Хаджар простудилась. Анзират бегала по дворам и со слезами на глазах просила у соседней дрова, чтобы в доме растопить печь. Соседи ей помогали, чем могли. Они привели единственного на всю округу фельдшера, который, осмотрев ребенка, сказал:

– Лекарств у меня нет, сама знаешь – идет война. Все для фронта. Было бы желательно дать ребенку куриный бульон, может помочь.

Анзират была в отчаянии – где она достанет хотя бы одну курицу?

Бедная женщина не спала две ночи.

– Воды... дайте воды, – просила Хаджар, – пить хочется...

На третий день девочка уже не открывала глаза... И тогда Анзират решила пойти в контору к Мирзакулу за помощью. «А если и он не поможет, то тогда придется пешком идти к отцу», – подумала она.

Но Мирзакул встретил ее любезно, а услышав о ее горе даже стал упрекать:

– Почему сразу не пришла? – он сердито покачал головой. – Если не сейчас, то когда же помогать семье фронтовика? Эх вы, женщины, ничего не знаете, не понимаете, всему вас надо учить...

Мирзакул отправил конюха куда-то, и тот откуда-то раздобыл курицу, которую передал Анзират.

Тронутая такой заботой, она расплакалась:

– Дай бог вам здоровья! Чтобы дети ваши...

– Ладно, ладно, перестань, это моя обязанность, к тому же ты мне... не чужая. Теперь иди домой, может... и завтра раздобудем еще одну птицу, – сказал он, а потом, чуть подумав,

добавил: – Нет, сюда не приходи, а зайди лучше в сторожку к Халилу, конюху нашему. Я туда курицу принесу. Все, иди с богом. Только не плачь, что люди скажут!

Анзират, прибежав домой, зарезала курицу. (По здешним обычаям женщинам не полагалось резать животных – это считалось грехом). Сварила бульон и целый день кормила им больную дочь. К полуночи у Ходжар, наконец, спала температура...

На следующий день Анзират, счастливая от того, что ее дочь выздоравливает опять пошла к Мирзакулу, чтобы его поблагодарить.

Когда Анзират приблизилась к хижине Халила, то заметила, что дверь была приоткрыта.

– Халил ака! – позвала она.

Никто не откликнулся. Тогда она осторожно заглянула внутрь и вдруг увидела Мирзакула.

«Почему он здесь? Почему не вышел, когда я позвала Халила? И сидит здесь, как у себя дома... Не знала, что он дружит с человеком, с которым мало кто общается. Странно, и коня его поблизости нет...», – все это пронеслось у нее в голове.

– Заходи, заходи. Я здесь дожидаюсь... Халила. Что-то он не идет, – смущенно улыбнулся Мирзакул. Анзират, немного подумав, переступила порог.

– Садись. Я тут немного задремал... Тебе не холодно? Сейчас печь растоплю.

Анзират, взглянув на него, сама предложила:

– Давайте, я сама. Где здесь дрова?

– Ну, если сама так хочешь! Они... во дворе, под навесом, кажется, – Мирзакул, не отрываясь смотрел на нее покрасневшими глазами. Он был гладко побрит.

«Сейчас растоплю ему печку, возьму курицу и поскорее пойду домой», – подумала она.

Когда Анзират растопила печку, он встал и достал связанную курицу из сумки, висящей у двери.

– Будешь уходить, заберешь. Ну, как дочка? Сварила ей суп?

– Спасибо. Если бы не вы, то...

– Теперь всегда буду помогать тебе, – сказал он с нежностью, глаза его блестели. – Садись сюда, ко мне поближе. Не бойся, не укушу.

Анзират, опустив глаза ответила:

– Сейчас уйду я. Сами знаете, дочка... дети одни остались.

– Не торопись... Знаешь, давно хочу сказать тебе... Анзират... ты мне нравишься. Но еще хотел сказать, что мне не нравится, что ты еле сводишь концы с концами.

– Живу как все...

– А почему ты должна жить как все? – Мирзакул вплотную приблизился к Анзират. – Теперь все будет по-другому.

– Спасибо и за это. Не знаю, как вас отблагодарить...

– С такой красотой, как у тебя, ты заслуживаешь совсем другой жизни!

У Анзират участилось дыхание.

– Что вы... я пойду, хорошо? – сказала она, не поднимая глаз. Сердце ее сильно билось.

Она направилась к двери, но Мирзакул неожиданно загородил ей дорогу:

– Зачем так быстро? Хотела же меня отблагодарить! Вот, теперь настало как раз то время... Или боишься? Муж у тебя погиб на фронте, теперь ты свободна как птица. Ну, иди же ко мне, пока Халил не пришел...

Анзират от испуга и неожиданности попятилась назад, а Мирзакул, не отрывая от нее взгляда, приблизился к ней. Чтобы остановить его, ей хотелось сказать что-нибудь резкое или оскорбительное, но она не успела. Мирзакул заключил ее в свои объятия и стал покрывать ее лицо поцелуями.

Анзират молча сопротивлялась, а кричать не смела – могли услышать люди.

Вдруг Мирзакул, легко подняв ее на руки, понес к лежанке. Вырваться из его объятий было не так просто.

– Не дури, – шепнул он страстно ее целуя. – Женюсь на тебе, дам развод жене, поверь!

Анзират понимала, что ее хотят обесчестить, пользуясь ее плачевным положением. От обиды она долго сопротивлялась и царапалась. Мирзакул был неумолим...

Бежала она домой и всю дорогу бога молила, чтобы только ее никто не увидел. На ее счастье шел мелкий дождь и все односельчане сидели по домам, а те, кого она увидела были далеко от нее. Дома Холмат и Ходжар с радостным криком бросились к ней, а она в ужасе отпрянула от них.

В ее глазах застыла бесконечная тоска глубоко оскорбленной души. Она чувствовала себя грязной, недостойной их и не посмела их обнимать и целовать.

После всего произошедшего Анзират обуревали самые противоречивые мысли и чувства. То она чувствовала себя самой несчастной женщиной, а то вдруг вспоминались ей жаркие объятия Мирзакула, и тогда ее бросало в жар от этих воспоминаний. Этот мужчина разбудил в ней – в молодой и здоровой женщине, истосковавшейся по мужской любви и ласке, – женщину, жаждущую счастья. Мысли о детях и об их будущем страшно волновали Анзират. Ведь если все узнают о ее связи с Мирзакулом, она покроет позором свою семью. Этого она также не могла допустить. Что же ей делать? Этот вопрос неотступно мучил ее. И она решилась снова пойти к нему, чтобы объясниться.

Встретившись с Мирзакулом, Анзират напрямик спросила его о своей и его дальнейшей судьбе. И задала вопрос, который ее все время мучил: сможет ли он жениться на ней, если у него есть законная жена и шестеро детей.

Мирзакул понял, что она не доверяет ему и решил ей открыться. Он сказал, что полюбил ее. Рассказал о своей судьбе, как женили его, когда ему не исполнилось и восемнадцати лет. Только после свадьбы он увидел свою жену. Она оказалась симпатичной смуглой девушкой с длинными косичками. Ей было шестнадцать лет. Мирзакул был счастлив... Через десять месяцев у молодоженов родился сын, а через год – дочка. Так и жили – вроде счастливо и дети рождались. Но несчастье пришло в их дом.

Частые роды ослабили организм женщины. После рождения шестого ребенка она тяжело заболела. Около месяца лечилась в больнице. Вернулась домой болезненной. Теперь ей было не до любовных утех.

Мирзакул понимал ее и жалел, а еще он очень любил детей.

Но жизнь продолжается, и в глубине души он все же хотел во второй раз жениться, но негласно, чтобы жена и другие люди (например, начальство) не знали об этом. Он ведь имел возможность содержать и свою семью, и другую женщину.

Ему понравилась Анзират. Он верил, что жена наверняка даст согласие жениться на ней, ведь она занята только детьми и лечением, которому нет конца.

А люди? Ничего не скажут, наоборот, поймут – ведь он поможет спасти другую семью. Притом Мирзакул еще добавил, что разве это редкость, когда мужчины женятся на вдовах. Так он убедил Анзират в том, что в их отношениях нет ничего предосудительного.

Прошло несколько месяцев, в течение которых они почти ежедневно встречались. Как-то раз он предупредил Анзират, что в скором времени они будут жить вместе, и ей надо готовиться к переезду. Но этому не суждено было исполниться. Пришло известие о том, что Нормат вернулся с войны!

Анзират около полуночи прибежала Мирзакулу, вся в слезах, убитая горем. Он испугался, увидев ее.

Анзират кинулась к нему, рыдая.

– Горе мне, грешной! Муж возвращается! Да, да! И почему только пришла бумага о его смерти, оказывается он жив! Теперь все кончено между нами! Спасибо вам за все! Без вас мы бы пропали! А теперь... Теперь мы не должны больше встречаться! Теперь обо всем нужно забыть! Вернитесь к своей семье! Я знаю, вы очень любите своих детей! Прощайте!

Мирзакул выслушал ее не перебивая: ему не верилось, что все его планы разрушаются. О, как он не любил, когда ему мешали!

Тогда Анзират еще не знала, что беременна.

* * *

После этих событий Мирзакул и Анзират долгое время не видели друг друга. Но однажды он встретил ее у реки, когда та разбивала тонкий слой льда, чтобы набрать воды. Вечерело.

Увидев его, она испугалась и выронила ведро. Со страхом смотрела она на Мирзакула, сидевшего на коне.

– Привет, Анзират, – ласково проговорил он. – Ну, ты рада... что вернулся муж? – Анзират молчала. – Кажется, – продолжал он, оглядывая ее с ног до головы, – обо мне уже забыла. А я каждый день думаю о тебе...

Анзират умоляюще прошептала:

– Уходите... нас могут увидеть...

– Подожди... не гони... я еще не забыл своего обещания. Слушай... брось его! Сама же хотела, чтобы я на тебе женился! Помнишь?

– Не надо! Тогда я думала, что он погиб, а теперь, когда вернулся... к чему все это? У вас своя семья, у меня... своя. Оставьте меня в покое, очень прошу вас! И так мне плохо, совестно перед ним...

Мирзакул, спрыгнув с коня, подошел ближе и схватил Анзират за руку:

– Зачем он тебе такой? Стоит ли с ним возиться? Мука на всю жизнь...

– Пусть! – поспешно перебила его Анзират. – Это уже... не ваша забота! – начала сердиться она.

– Хочешь... – не отступал Мирзакул. – Тебя... отобью у него?

Он схватил ее за руки:

– Поженимся как полагается, по всем правилам обычаев и закона. Только скажи: «Да»! Он не посмеет сопротивляться! Сердцу не прикажешь! Или, лучше, прямо скажи ему...

– Нет, нет! – сказала Анзират, стараясь высвободить руку. – Я уже говорила вам!

– Я не могу без тебя, – у Мирзакула задрожал голос.

– Хватит! Не хочу больше ничего слышать! – взяв ведро, она побежала, спотыкаясь на ходу, потом быстро оглянулась. – Пощадите меня! Ради моих... и своих детей!

Он наблюдал, как она исчезает за холмом, потом, взяв за узду коня, медленно пошел в Теракли, в свою деревню.

Он злился, потому что трудно ему было смириться с мыслью о том, что она предпочла не его.

«Неужели я влюбился в нее?! Или, может быть, просто я не ожидал, что она откажется от меня и это меня может задеть? Что могло мне помешать, если бы не Нормат? Ничто и никто! Что же делать?»

Так он размышлял, а в голову лезли нехорошие мысли: «Может, его надо... убрать с дороги? Но каким образом? Неужто убить? Разве я могу так сделать! И за что? Только за то, что вернулся живым к жене, семье... Глупо!»

* * *

Жена Мирзакула сильно похудела. И у него появилось недоброе предчувствие, что она долго не протянет. А что будет с детьми! Он не раз встречал людей, оставшихся вдовцами с детьми.

«Неужели и мне судьба готовит такую же участь? Выдержу ли я? Необходимо жениться на Анзират. Она порядочная женщина – сам лучше всех знаю, скромная, любящая детей! Как она тогда плакала, прибежав ко мне в контору, когда дочка простудилась! Разве такая женщина сможет притеснять моих детей... Она аккуратная, хорошая хозяйка и, самое главное, она не легкомысленная, как некоторые бабы!

Нет, надо срочно что-то предпринимать!» – думал Мирзакул.

В дальнейшем жизнь его столкнула с такими обстоятельствами, что он уже не раздумывая решил погубить Нормата.

Но его замысел провалился.

Погибшего Хатама похоронили на месте. Капитан не хотел передавать труп семье погибшего. Всех заставили расписаться в документе констатирующем его смерть.

Мирзакул же теперь решил искать другие «лазейки», чтобы заполучить Анзират.

Но пока он прикидывал так да эдак, неожиданно начались кадровые проверки и его личное дело оказалось на рассмотрении комиссии. Вот тогда и «всплыли» его незаконные действия с отправкой на фронт его однофамильца.

Его друга из военкомата наказали, в течение суток отправили на фронт, причем, на передовую линию.

От суда и тюрьмы Мирзакула спасло только то, что он усердно служил властям и они оформили его документы как «добровольца», уходящего на фронт, взяв его заявление.

Его сняли с работы. Затем он узнал, что Нормат избил свою жену и что Анзират беременна не от мужа. И эта женщина ни словом не обмолвилась о нем. Нормат же ушел из дома.

Мирзакул теперь терзался мыслью о том, что она всю жизнь будет презирать его, ведь он сломал ей жизнь. Хотелось одного – перед отъездом на фронт попросить у нее прощения за все то горе, что он обрушил на ее голову.

* * *

Анзират к концу зимы понемногу стала приходить в себя. Она постарела, волосы ее стали седыми, взгляд ее некогда красивых и умных глаз потух.

За ней и детьми присматривали соседки. Особенно внимательной была Ханифа, жена Махамادي.

– Ханифа, дорогая, почему плачешь? – обращалась Анзират к ней. – Меня жалеешь, что ли? Таковую, как я, еще жалеют? Нет, не плачь, не стою я твоих слез... Лучше, слушай меня, если я уйду... то пусть мои сиротки останутся при вас, хорошо? Нет никого больше у меня, кроме тебя... Знаю, недолго мне осталось жить. Если бы не они, – она кивнула на Холмата и Ходжар, – то меня бы уже давно не было среди живых.

Дети пугливо смотрели на нее. Холмат не понимал, почему отец избил маму. Он перестал играть с детьми, избегал их насмешливого взгляда, перестал ходить в школу – не хотел

оставлять мать одну. Мальчик присматривал за сестрой, кипятил воду, разжигал печку, подметал комнаты, одним словом, следил за хозяйством. Он стал рано взрослеть.

«За что же надо было вот так бить мою маму, зачем отец так поступил? Почему нельзя было ее простить? Это бабушка Бийди и тетя Турсуной говорили отцу что-то нехорошее про маму и настроили его против нее! Почему тогда мама им не говорит, что она не такая? А отец... как я его любил! Как радовался, когда он приехал! Теперь он и нас не хочет видеть... Нет, все равно я отомщу ему! Вырасту и... застрелю его!».

Через некоторое время Холмат совсем перестал ходить в школу, где его третировали одноклассники, смеясь над его мамой. Холмат уходил утром из дома и бродил по окрестностям их села. Приходил домой, когда пора было возвращаться со школы.

«Сынок, ну, как у тебя учеба?» – спрашивала Анзират. Мальчик еле сдерживался, чтобы не разрыдаться и отвечал, что все у него хорошо...

* * *

Нормату все опротивело: и деревня, где он родился и вырос, и односельчане, и даже сама жизнь. Взяв с собой охотничье ружье, он ездил на своем Каратуше по горам, чтобы быть подальше от людей. Он хотел забыть о том, что с ним произошло. Кому раскрыть душу? Плакать навзрыд? Кто поймет его? Наверное, никто!

Так устроен человек, что приспосабливается ко всему. И он постепенно привык к такой жизни.

К середине зимы, около недели побывав в деревне, Нормат ушел опять, но только на этот раз в сторону Бошчарбага. Он часто голодал, но и это было не редкостью для него. Нормат сильно похудел и состарился, казалось, что он не бродит, а ищет свою смерть. Он действительно хотел сильно заболеть и умереть где-нибудь в дороге. Но срок жизни его никак не истекал.

Его Каратуш еле тащил ноги. К вечеру они въехали в маленькую деревню с тремя-четырьмя дворами, окна которых светились от керосиновых ламп...

* * *

Нормата приютил у себя в доме Маллабай, тоже воевавший на фронте. Хозяин дома рассказал ему о своей жизни, и оказалось, что его судьба – почти точное повторение жизни Нормата. Маллабай не смог простить свою жену после своего возвращения в семью. И его жена, видя, что муж охладил к ней, стала увядать, страдая и сетуя на свою несчастливую судьбу. Вскоре она умерла... Услышав эту историю, Нормат осознал, что не готов потерять жену...

* * *

У Нормата пропал сон – очень тяжело было на душе. Он думал о своих детях, об Анзират:

«Да как же я об этом не подумал! Надо же быть таким жестоким! Не до конца же жизни ей было оставаться одной, ведь меня официально занесли в список погибших! Какая разница – через год она нашла бы себе другого человека или через десять? В такое суровое время, когда пришлось думать, чтобы выживать, а все остальное – второстепенно. Может, он обещал на ней жениться или помочь поставить детей на ноги! Ей было нелегко через все это переступить, ведь она меня когда-то любила.

Да, все ее несчастье в том, что я вернулся с этой проклятой войны.

Холмат, Ходжар! О, разве я не понимаю, как им сейчас трудно: мать опозорена, больна... А отец их шатается, будто бродяга, вместо того, чтобы их воспитывать и быть рядом...

Все-таки детям, прежде всего, нужна мать!»

И тогда Нормат окончательно решился – он вернется к семье, но только бы успеть спасти жену!

Нормат бесшумно встал с места. Маллабай и его дети крепко спали.

«Я сегодня же вернусь в семью, хватит из себя изображать обманутого мужа! Анзират не обманула меня! У нее, наверное, не было другого выбора, чтобы выжить. Я уже не смогу любить ее как прежде, но оставлять ее с детьми не имею права! Причем тут ребенок, которого она носит. Тот добрый человек, про которого рассказывал Маллабай, вернул ведь свою жену, которая вышла замуж за другого. И эта женщина, как и Анзират, тоже получила письмо с фронта, возвещавшее о смерти ее первого мужа.

И если бы она имела уже ребенка от другого мужчины, он разве не принял бы ее? Какая разница? Ведь люди усыновляют чужих детей.

Пусть люди смеются надо мной! Мне на всех наплевать!»

Он тихо открыл дверь, но не успел закрыть ее за собой:

– Уходите? – раздался голос хозяина.

Нормат замер на месте, прямо на пороге:

– Да... извините меня... мне надо... домой.

– Вот и молодец! Я вас провожу, а то собака не привязана... Не выходите, сам позову, когда выведу из конюшни вашего коня.

Нормат крепко обнял Маллабая.

– Вы будете первым гостем в нашем доме! – сказал он.

Во дворе при свете луны Нормат заметил, что Маллабай широко улыбается:

– Может... до утра останетесь?

– Нет, но... за вами приеду, хорошо?

– В любое время... желательно... с ней, – не переставал улыбаться Маллабай. – И с детьми, конечно!

Нормат еще раз крепко обнял Маллабая и они расстались.

Нормат пришел в свою деревню и зашел к старухе Бийди. Он хотел сообщить ей о своем намерении и в глубине души верил, что она его поймет. Но разве пожилой человек способен за такое короткое время стать мудрее или добрее...

– Тетя... я... хотел бы вернуться... домой. Спасибо вам, что не оставили меня на улице. Подумайте сами, какой толк вот так жить, как я... Прошлое уже не вернуть...

Бийди не сразу поняла, что он хочет сказать. Взглянув на него мутными глазами, она спросила:

– Не понимаю, о чем ты? Ты хочешь... вернуться?

– Да, вернуться домой, к... семье...

– Что?! – чуть не задохнулась Бийди. – Вернуться... к ней?! К этой шлюхе?! Она... ведь... скоро родить должна! Ты сам-то понимаешь, о чем говоришь?! Где твоя гордость?! Мужик ты или нет?

– Тетенька! – стал умолять ее Нормат в надежде, что она поймет. – Я только ради детей! Не хочу, чтобы они росли сиротами! Если она и согрешила, бог накажет! Но причем тут дети? Я не имею права бросать их на произвол судьбы. Все от бога, это не нам решать... Тем более сами хорошо знаете, была на меня похоронка... Я не имею права ее обвинять, – он опустил голову, как бы желая вызвать у Бийди жалость к себе, к детям.

Однако Бийди ядовито усмехнулась:

– Почему правды не скажешь? Так и скажи – соскучился по жене! Что уставился? Думаешь, я ничего не понимаю? Дети, говоришь? А они, может быть, и вовсе не твои!

Нормат резко поднял голову:

– Как вы смеете так говорить? Побоялись бы бога! Одной ногой в могиле, а так жестоки! Не берите грех на душу! Да разве вы кого-нибудь понимали в своей жизни!

Дикое желание задушить старуху волной окатило Нормата. Но он взял себя в руки и только сказал:

– Зачем ты вообще живешь на свете, только другим жить мешаешь!

Он резко встал и бросился к двери. В доме Бийди воцарилась тишина. Вдруг Гульнара не выдержала:

– Уйду! Давай вместе уйдем отсюда! – она обратилась к другой невестке. – Если наши мужья и вернуться, то сами нас найдут...

Мирзакулу опять повезло. Его отъезд на фронт приостановили на время из-за его семейного положения. Он постоянно думал об Анзират. Он знал, что любит ее и что все ее мучения были из-за него. И принял решение помочь ей, а со временем – увезти ее с детьми в другие края.

* * *

Как-то, ранним утром, Анзират вышла с сыном во двор, где они обнаружили мешок, наполовину чем-то наполненный. Холмат спросил мать:

– Мама... это... наше?

Анзират медленно подошла к мешку и развязала его. Неожиданно она резко выпрямилась, будто увидела внутри змею.

Холмат вопросительно смотрел в лицо матери: что же там такое?

Анзират догадалась, что это было от него! Слезы навернулись ей на глаза:

– Сынок... это... твои дяди принесли... Занесем домой...

Холмат не понял:

– Дяди?! А где они? Почему не зашли домой?

– Наверное, не было времени! Придут... после... А пока давай поднимем мешок.

Мешок занесли в дом, разбуженная шумом Ходжар подбежала к Анзират:

– А что это? Папа... принес?

Анзират промолчала, еле сдерживаясь, чтобы не расплакаться. Сверху лежало письмо, развернув его, она стала читать, пока дети шустрými ручонками извлекали из мешка съедобные припасы.

Мирзакул писал: *«Анзират! Очень тебя прошу, прими это если не для себя, то хотя бы для детей! Чем они виноваты в допущенных нами ошибках. Я знаю, как тебе сейчас трудно, и еще раз прошу, прими то, что я передал, не обижайся на меня!»*

Анзират! Я хоть сейчас готов забрать тебя и твоих детей. Перед богом признаю своим ребенка, которого ты носишь, жду, когда он родится! Не хочу, чтобы люди плохо думали о тебе! Вспомни, у нас с тобой были совсем другие планы. Моя жена не стала бы возражать...если бы не приехал он!

Сохрани наше дитя! Мы обязательно найдем какой-нибудь выход из этого положения. Слышал, что Нормат не хочет жить с тобой и даже был готов тебя убить, а родные твои отвернулись от тебя... Значит, мой долг – помочь вам!»

У Анзират по щекам текли слезы.

Она часто думала покончить с собой, несколько раз даже собиралась сделать это, готовилась, мысленно прощаясь с близкими ей людьми, даже написала предсмертные записки для детей, отца, братьев и мужа! Что ей мешало? Разве Большая река не протекала недалеко от них? Из реки живым не выйдешь. Но она знала – не сможет! Представила, как дети подумают, что она вышла за водой, чтобы испечь им хлеба, как они будут ждать... а ее все нет и нет! Никогда! Никогда она не сделает этого! Не имеет права!..

Жизнь продолжалась. До жителей доходили слухи о скором окончании войны. Демобилизованные после ранения солдаты рассказывали, что бои ведутся уже в самой Германии. Но чаще приходили и похоронки...

Анзират после того трагического дня ни разу не видела Нормата. Мирзакул же аккуратно присылал ей продукты, с обязательной запиской, с заверениями в своем постоянстве.

Анзират не выходила на работу из-за округлившегося живота, а колхоз и не требовал. Было понятно, что это старался Мирзакул.

За несколько недель до рождения ребенка, Мирзакул написал ей, что жена обо всем знает и что она согласилась с решением мужа. Болезнь истощила ее и все в жизни ей стало безразлично. Мирзакул писал, что хочет увезти Анзират подальше от этих мест к дальнему родственнику, в пустующем доме которого она сможет спокойно родить ребенка. А муж Анзират, может, тоже со временем женится на другой женщине – и все наладится. Мирзакул настаивал на необходимости узаконить их отношения.

А Анзират не без страха думала о том, что Мирзакул, возможно, ее единственное спасение. Может, действительно надо уехать, приняв его предложение – зачем ей было отказывать Мирзакулу, ведь Нормат отрекся от нее и их детей.

Достав из сумки спящего Холмата карандаш и бумагу в клеточку, Анзират села около лампы и, подумав, стала писать ответ Мирзакулу.

Уже стемнело, когда Нормат вошел во двор своего дома. Стоило ему зайти внутрь, его обитатели с испугом уставились на него.

Анзират встала с места, но чтобы не упасть прислонилась к стене. Ноги ее дрожали, а сердце готово было выскочить из груди.

Нормат сразу все понял. Прежде чем заговорить, он кашлянул. Чуть помедлив начал:

– Анзират... скажи детям, чтобы не боялись меня, и скажи, что я тебя не трону.

Анзират молчала, немой вопрос застыл в ее глазах.

– Анзират, ты... не виновата... и пожалуйста, не оправдывайся, – он не хотел говорить этого, но вышло непроизвольно, – то есть все что было не изменить, да и ни к чему это... прошлое уже не вернуть... Понимаешь меня?

Собравшись с духом Нормат наконец выпалил:

– Анзират! Не смотри на меня так! Я... вернулся к вам! И знаю, почему ты так поступила...

Говоря это, он старался не смотреть на ее округлившийся живот.

– И не думай, что я когда-нибудь буду упрекать тебя! Поверь! Почему же ты молчишь? Или, у тебя... другие планы? – дрогнули его губы.

Силы покинули Анзират и она медленно опустилась на пол, закрыв лицо руками. Сквозь пальцы искоса посмотрела на Нормата: он не такой человек, чтобы обманывать. «Хитрец не будет вести себя так! Господи, помоги мне! Я не знаю, что делать! Зачем, зачем он пришел теперь, когда все уже было решено, когда Мирзакул уехал готовить дом к моему приезду! Как сказать ему об этом! А дети... такие беззащитные! Господи! Не скажут ли они мне потом: вот,

отец пришел с нами жить, а ты прогнала его и... стала жить с этим дядей! Особенно Холмат, он ведь уже взрослый...»

Нормат посмотрел на жену: «Ну почему она молчит? Или не верит мне? Что я должен сделать, чтобы она поверила? Как будто мне было легко прийти сюда?» – думал он.

Анзират не убирала исхудавших рук от лица. Неудержимое рыдание охватило ее, она не могла говорить...

Нормат, не зная, как поступить, стоял и смотрел на жену. «Не может простить меня, а может, все еще любит его. Кто же он... Почему до сих пор никто не узнал, кто навещал ее и помогал детям, когда я ушел? Может, его уже нет в живых... или он тоже на фронте... А ей совсем немного осталось до родов... И почему я был так уверен, что она захочет жить со мной? Не раз слышал, что тяжело ей и дети голодают. Неужели Махамеди и его жена, сами полуголодные, делились с ней? Ладно, зачем мне думать об этом, когда никто здесь не собирается со мной разговаривать! Если бы нуждалась во мне, простила бы даже мое зверство, хотя бы ради детей! А ведь и без любви муж и жена могут вместе прожить до самой смерти – и такое бывает».

Он посмотрел на детей, будто видит их в последний раз. Тяжело стало на сердце, оттого что жена своим молчанием отвергла его.

Он повернулся и вышел из дома. Анзират не пошевелилась.

«Все, нельзя здесь больше оставаться, мне тут нечего делать! Завтра же меня никто не увидит! Может... никогда – ни живым, ни мертвым!»

Нормат тяжело вздохнул. Он стоял и прислушивался к далекому шуму Большой реки, смотрел вверх на сверкающие звезды, не замечая, что по его лицу текут слезы... Река будто притягивала его к себе... и он сделал первый шаг, затем второй, но в этот момент позади послышались шаги. Нормат оглянулся: Холмат?!

Сбиваясь и торопясь мальчик проговорил:

– Мама... мама сказала мне: «Верни отца!»...

Нормат сел на корточки, обеими руками обхватив худые плечики сына. Вглядываясь в глаза ребенка, он пытался понять, мать ему это сказала, или же это его собственная инициатива. А когда Холмат неожиданно крепко обнял его и зарыдал, ему стало все равно, что о нем думает Анзират.

* * *

Мирзакул уставился на Халила – у него не укладывалось в голове, что Нормат вернулся в семью.

– Что ты мелешь, алкоголик несчастный?! Сам все продукты продал или на бутылку обменял, а теперь плетешь мне тут!

– Нет, хозяин, продукты в мешке, можете сами проверить. А Нормат и вправду вернулся, хорошо еще вовремя узнал, – проговорил Халил смущенно.

– Убью, если наврал, понял! И никому ни слова! – Мирзакул сел на лошадь, сильно стянул ее нагайкой и поскакал домой.

Бессонная ночь в тревожных мыслях медленно сходила на нет. Мирзакул лежал уставившись в одну точку, перебирая в памяти события последних дней. Вдруг в дверь кто-то тихо постучал.

Мирзакул обернулся:

– Кто там?! – недовольно спросил он.

Вместе ответа дверь чуть приоткрылась, и показалось круглое лицо старшего сына, мальчика лет тринадцати. Вид его был печален. Он шепнул:

– Папа... вас... мама зовет.

Мирзакул шел за сыном, почти в крошечной темноте, к горлу подкатывал комок – будто должно было произойти что-то неприятное, что-то, о чем он совсем не хотел думать.

Едва он вошел в комнату жены, послышался голос:

– Прошу вас... Привезите ее сюда.

– Кого?! – не понял Мирзакул.

– Ту женщину... она... хорошая, да? И... у нее двое детей? А муж погиб на фронте (Мирзакул, рассказывая об Анзират приврал, назвав ее вдовой). Она будет хорошо присматривать за моими детьми, как за своими? Не притеснит? Говорите! Если будет их обижать, то лучше скажу своей маме, когда приедет сюда, чтобы увезла их...

Лицо его жены выражало решительность, и тут он понял – перед ним умирающая мать, которая хочет убедиться, что ее дети останутся в надежных руках, с порядочной женщиной. Он осторожно начал:

– Да... она... хорошая, будь уверена... но, нельзя ли подождать...

– Нет, нельзя... сегодня же привезите ее... сама с ней поговорю... Сможете? Недалеко отсюда живет? В Теракли, говорили, кажется... Пусть приедет в этот дом и останется жить. Я вам верю... Вы ведь любите наших детей и не позволите ей, чтобы она отнеслась к ним как злая мачеха... да? Почему... молчите? Бойтесь, что мы вцепимся друг другу за волосы? Смотрите на меня... я еле дышу, может, в последний раз говорю с вами... Или... мои слова для вас ничего не значат? Тогда... пожалуйста... отправьте человека за моей мамой... Все, позовите Анвара, я должна и ему кое-что сказать... я устала...

Мирзакул не мог сдержать слез: «Неужели умирает? Господи, сколько ей лет? Ведь нет и тридцати... А как ей скажешь, что Анзират, которой она хотела доверить своих детей, вернулась к мужу! Что теперь будет? Я обманул жену, а Анзират все-таки предпочла своего мужа... Глупец!»

Но, надо было успокоить умирающую:

– Хорошо я привезу ее. Только не завтра Она вот-вот должна родить! Кто за ней будет ухаживать? Я же говорил тебе!

Жена не отступала:

– Тогда я еще не знала, что так скоро умру. Пусть рождает здесь. Ведь ребенок ваш, пусть он родится в доме отца.

Это уже была попытка для Мирзакула, его аж в жар бросило:

– Что люди скажут? А твой?

– Сама объясню им, если, конечно, успеют приехать...

– Не забывай – я у всех на виду! Знаешь, сколько завистников и врагов у меня?! Как только приведу ее сюда, притом, с ребенком своим, – он запнулся, покраснел, и жена заметила это, – знаешь, какие толки пойдут! Начнут писать в разные инстанции! Я прекрасно понимаю твои переживания, благодарен тебе за доверие... но подумай обо мне...

Он так трогательно и убедительно говорил, что его жена задумалась. С минуту она смотрела в сторону, а затем тихо продолжила:

– Я так беспокоюсь за детей, – сказала она, уже без упрека в голосе. – Дайте слово, что будете заботиться о них также как и о ней.

– Неужели у тебя есть сомнения на этот счет, – еле выговорил он, вспомнив, что Анзират ему все-таки чужая...

Губы жены дрогнули, но она молчала, положив свою холодеющую руку на руку мужа.

Огромный двор пункта сбора призывников был полон людьми. Было много женщин, стариков и детей всевозможных возрастов.

По репродуктору, установленному на высоком столбе, звучала веселая песня в исполнении Тамары Ханум, но никто не обращал на нее внимания.

Мирзакул с вещевым мешком за спиной, быстро попрощавшись с людьми, приехавшими проводить его, поспешил присоединиться к призывникам.

Началась переключка новобранцев. И в самом начале Мирзакул услышал свою фамилию. Все остальное стерлось из его памяти – он не слышал ни голосов, ни рыданий, ни стенаний и последних напутствий – все смешалось в монотонный шум.

Какой-то полный офицер в звании подполковника медленно прохаживался перед строем, оглядывая призывников. Проходя мимо Мирзакула, он поправил на нем форму, хлопнул его по животу и с усмешкой сказал:

– Ого! Здоровый малый! Где тебя так откормили? Что такое?! Ты чего это? Плачешь? Хуже бабы?! – подполковник был явно недоволен увиденным.

У Мирзакула по щекам текли слезы. Он никак не мог взять себя в руки – может, сказывались бессонные ночи, проведенные в раздумьях о будущем своей семьи и Анзират.

Подполковник нахмурился:

– Да-а-а... Струсил? Посмотрел бы вокруг: вот, парни, намного моложе тебя, еще мальчишки, можно сказать, а как держатся! Или жену оставлять жалко? Что, воин? Почему не отвечаете? – уже на повышенных тонах заговорил подполковник. – Как вас зовут? Откуда?

Мирзакул всхлипывая, назвал.

– Н-да... И с таким бабьим характером хотите воевать? А с виду и не скажешь! Какой пример подаете этим парням? Не стыдно? Отвечайте!

Мирзакул не знал, что ответить, ему лишь хотелось, чтобы его оставили в покое. В этот момент к ним подошел Фарид и стал о чем-то говорить подполковнику. Тот приблизился к Мирзакулу и, с интересом взглядываясь в его лицо, сказал:

– Ах вот как! Вы из тех молодцов, значит? Все так умело подстроили... А теперь... что же хотите?

Мирзакул молчал – ему хотелось провалиться сквозь землю.

– Когда умерла ваша жена?

Мирзакул отвел взгляд, не ответив. Зачем?

– Я вас спрашиваю, воин! Отвечайте, когда спрашивает старший по званию! – крикнул подполковник, задетый его поведением.

– Позавчера, – прошептал Мирзакул.

– А детей сколько?

– Шестеро («Нет, семеро», – промелькнуло у него в голове)...

Подполковник призадумался, покачал головой, косо глядя на Мирзакула, потом подозвал Фариду...

Через две минуты Мирзакул уже шел к двухэтажному зданию призывного пункта в сопровождении Фариды. Их шаги эхом отдавались в длинном темном коридоре.

Уже почти у выхода Фарид шепнул Мирзакулу на ухо:

– Я сказал, что у тебя большая беда и поэтому ты плачешь... Ну что, доволен?

Мирзакул не ответил ему.

* * *

У Анзират родился сын. Через неделю Нормат с Шарифом уехали в селение Камаши, чтобы подготовиться к переезду...

Халил долго стоял на пороге своей хибары, молча наблюдая, как Мирзакул медленно идет к нему, потом, отстранился, чтобы пропустить его внутрь. Мирзакулу не сиделось дома: детей увезли родители жены, как невыносимо было расставание с ними! Он не хотел показываться людям на глаза, слышать слова сочувствия. Как-то к нему приехал Фарид, обещал помочь определить его куда-нибудь на работу, советовал держаться «тише воды, ниже травы». А Мирзакул-то думал, что Фариду уже нет дела до него, ведь кто он ему теперь – никто!

В тот же день он вспомнил о Халиле: «Не сердится ли он на меня? Я, кажется, зря был с ним груб... Зазнался же я! Думал, всегда буду так жить, приказывать, делать все, что захочу...»

– Что, не ожидал? – спросил он Халила.

Халил пожал плечами:

– Добро пожаловать, не впервые же приходите. Слыхал, будто вас... призывали?

– А ты небось был очень рад этому, да?! Кстати, тебя почему не призывают?

Халил даже не смутился:

– А зачем вам это знать?

Мирзакул похолодел от его тона и подумал: «Да, мне теперь нельзя забываться, надо знать свое место», но, не подавая вида, улыбнулся:

– Извини, если что не так...

Халил опять пожал плечами, а затем уже более дружелюбно спросил:

– Не торопитесь? Чай поставить?

Мирзакул принужденно улыбнулся:

– Если не трудно...

Халил, усмехнувшись, вышел.

Мирзакул стал оглядывать комнату: все как прежде... Нет, грязнее – Анзират каждый раз убирала, приводила в порядок эту убогую хибарку, до блеска мыла посуду перед уходом.

«А знает ли он, что моя жена умерла? Не заметно, чтобы сочувствовал. Станный он человек, но он единственный, к кому я захотел прийти. Да, докатился...»

Халил вернулся, сел напротив и молча смотрел невидящим взглядом.

– Может... организуешь что-нибудь? – спросил Мирзакул.

– А что? Сами не принесли? – опять усмехнулся Халил.

Мирзакул покраснел:

– Как-то не подумал... Вот, сейчас хочется... Ладно, в другой раз...

– Почему в другой раз? У меня есть, но... не забудьте: будете должны!

Мирзакул кивнул:

– Давай, неси... Вот ты даешь! Будто я жмот какой-то! Нехорошо, друг...

– Будет хорошо, если в следующий раз не с пустыми руками приедете! – сказал «друг» не грубо, а так, чисто по-дружески, как своему собутыльнику. Неожиданно, это понравилось Мирзакулу.

– Ну, как у тебя дела? – спросил Мирзакул, после первого выпитого стакана.

– Ничего, тихо-тихо.

– Надеюсь, не сердись на меня?

– Если бы сердился, не сидел бы сейчас с вами.

Мирзакул благодарно взглянул на него.

– Хорошо, молодец, а... какие новости вокруг?

– Где именно? – пытливо посмотрел Халил на собеседника. – Например, его уже нет дома.

Мирзакул удивленно уставился на него:

– Ты... о ком?

– О нем. Как уехал с Шарифом в Камаша, так и не вернулся, вот, скоро неделя. А Шариф давно дома...

Он вопросительно смотрел на Халила, тот по-своему понял его:

– У вас родился сын. Здоровый, говорят...

У Мирзакула то ли от выпитой водки, то ли от его слов, застучало в висках. Он покраснел, криво улыбнулся: «У меня сын!»...

– Брось! – вдруг буркнул он. – Какой я отец, она, как сам знаешь, к мужу вернулась! Теперь... он ему отец.

Халил взял стакан:

– Вот человек, а! Я же говорю – он не вернулся! Мальчишке-то все равно, кто его отец! Если честно, я тоже не знаю, кем был мой отец...

Мирзакул поднял свой стакан, долго, мутными глазами смотрел на его содержимое через грязное стекло, потом, поднес к губам...

Наутро, перекусив остатками вчерашнего ужина, Мирзакул вытащил из кармана бумажник:

– На, – протянул он его Халилу, – Сбегай за водкой, а заодно подробно разузнай... сам знаешь о ком... – и многозначительно посмотрел он на своего бывшего конюха.

Халил не ответил, а бумажник засунул во внутренний карман своего потрепанного пиджака.

Нормат с Шарифом нашли в селении Камаша старый заброшенный дом. Быстро договорились с хозяином, родственником Шарифа, о «купле-продаже». И вот когда все уже было решено и можно было начинать новую жизнь, с Норматом приключилась новая неприятность – раненная нога воспалилась.

Он вспомнил, что говорили ему военные врачи, когда он демобилизовался:

– Вот ваши документы. По ним, в указанное время обращайтесь в госпиталь. И не забудьте, с этим шутить нельзя...

Когда боль стала невыносимой, Нормат обратился к Шарифу:

– Друг, знаешь.

– Знаю, сам все вижу по твоему лицу. Что ж, поехали в твой госпиталь.

А в госпитале Нормату сказали, что дела его совсем плохи – необходимо двухнедельное лечение, больше откладывать нельзя.

– Как две недели?! Нельзя ли... – начал было Нормат.

Шариф резко оборвал его:

– Нормат, лечись – сейчас важнее этого для тебя ничего нет, а семью потом перевезем.

Нормату пришлось согласиться. На том и распрощались.

* * *

Халил поставил бутылку на стол:

– Вот, хозяин, – добродушно улыбнулся он. – А сдачу куда?

Мирзакул пытливо посмотрел на него:

– Все? Больше тебе нечего мне сказать?

– А! Вот ты о чем, – воскликнул Халил. – Нет, никто не знает, где он... Шариф, кстати, твое место в колхозе занимает. – Мирзакул сделал вид, что ему все равно. – Он дома и, конечно, не

станет отчитываться, куда отвез Нормата... Возможно, Нормат, хоть и примирился с женой, принял твоего ребенка, но вдруг понял, что не может ее простить... Вот и удрал! Что тут такого? Я могу его понять. Почему не открываешь? – кивнул Халил на бутылку. – Думаешь, Анзират теперь достанется тебе? Планы составляешь? А что, все может быть.

Мирзакул взял бутылку и молча, без ножа, крепкими пальцами откупорил ее.

* * *

Нормат еле добрался до Теракли: по дороге сломалась машина, пришлось долго идти пешком, однако, на его счастье, его подобрал один наездник, случайно проезжавший мимо на своем исхудалом коне. Он довез его только до деревни Кан, где жил сам. Уже стемнело и он предложил Нормату переночевать в его доме...

Но Нормат, поблагодарив его, решил идти дальше: в госпитале ему стало лучше и теперь можно было целый год там не появляться, если беречь себя.

Мужчина, наблюдавший за удаляющимся прихрамывающим Норматом, догнал его и предложил:

– Возьмите коня! Завтра, отдохнув дома, приведете его, а если не успеете, то и послезавтра можно... Счастливого вам пути!

* * *

Шариф обрадовался, увидев Нормата, друзья обнялись. Друг предложил было Нормату переночевать у себя, но получил категорический отказ:

– Что ты! Когда я почти дошел до дома! Завтра увидимся, когда придешь ко мне. Сам знаешь, надо готовиться к отъезду...

– Но, так поздно!

– Нет, спасибо. Не забудь завтра.

Шариф вздохнул:

– Может, до дома провожу? Слышишь, собаки лают?

– Кстати, мое ружье у тебя, перед тем как уехать в Камашу, у тебя его оставил. Когда есть ружье, и собаки не пристанут...

Анзират, затопив печь, поставила на нее большое ведро с водой, занесла со двора таз.

После возвращения с Камашу Шариф ей сообщил, что Нормат приедет через две недели. По ее подсчетам он должен явиться сегодня, но, время уже было позднее. Анзират уложила детей спать. Младенец сладко спал в колыбели, в которой когда-то спали Холмат и Ходжар. Сняв мужнин чапан с плеча и укрыв шерстяным платком дочку, она пошла закрывать двери, и вдруг...

От неожиданности и страха Анзират застыла на месте, увидев на пороге Мирзакула, виновато улыбающегося, с плетеной нагайкой в руке, бледного, похудевшего. Одет он был в длинный тулуп.

– Здравствуй. Не ждала? – сказал он, нерешительно снимая каракулеву шапку, – Мне говорили, что... что... он уехал куда-то и опять оставил вас одних. Верно? Я долго наблюдал за вашим домом и подумал, что он, наверно не вернется сюда...

Анзират не могла пошевелиться. Она слышала, не от кого-нибудь, а от мужа, да, да, а именно от него, что Мирзакула призывают в армию, и что жена его умерла от болезни. Он

сказал это как бы между прочим, когда они как-то вечером сидели за чаем, ни о чем не подозревая и не обращая внимания на то, что Анзират резко побледнела от его слов.

– Ты наверное, знаешь, как сейчас живу, – продолжил Мирзакул, – Меня тоже хотели отправить туда, но, как видишь, я здесь. Вот, пришел... увидеться с тобой и узнать...

Анзират перебила его:

– Уходите! – запаниковала она – ее бросило в дрожь. – Зачем?!

Мирзакул удивленно смотрел на нее, ничего не понимая.

Анзират заметила, что он уже не тот, что был раньше, даже стал какой-то маленький. Вокруг глаз появились темные круги, плохо побрит и одежда была мятая.

– Я много думал о тебе, – продолжал Мирзакул, не поднимая глаз. – И про нашего сына... Кстати, как ты его назвала? – он покраснел.

– О чем вы говорите?! Сейчас ли время об этом говорить! – закричала Анзират. Холмат и Ходжар проснулись от громкого крика матери, и, привстав с места, смотрели на незнакомого гостя, а малыш в колыбели, чуть дрогнул, но не проснулся. – Если муж вернется сейчас?! Он сегодня должен был приехать!

– Как?! Он разве... не бросил тебя? Мне же говорили... что давно его нет и ты опять одна осталась с детьми. Узнав об этом, я пришел предложить тебе...

– Не надо! – перебила его Анзират. – Муж живет с нами, а сейчас он лечится, в Камашах, в госпитале! Поверьте! Он не бросил нас! Прошу вас... Пожалейте... если не меня, не мужа, то детей! Уходите быстрее!

– Анзират... Не обманываешь меня? Если что, я могу сейчас же забрать вас всех к себе! За этим я сюда и пришел!

Анзират вскрикнула:

– Муж должен был сегодня приехать, но задерживается... Чем прикажете клясться?! Нашим... ребенком?! Его жизнью! Вон он лежит... Хотите?!

Мирзакул, постепенно начал понимать, что это правда, посмотрел в сторону колыбели, и, не отводя от нее взгляда, сказал:

– Значит... он... лечится? Надо же... Я-то думал, мне говорили... Как же так...

– Да, да! Он лечится... прошу вас... уходите! – теперь не кричала, а умоляла Анзират.

Мирзакул печально взглянул на Анзират:

– Можно мне... на малыша посмотреть? Я не вижу его лица, – сказал он тихо. – Тогда и уйду... раз так вышло. Не буду навязываться... Прошу тебя, не отказывай, может, в последний раз вижу его...

Холмат и Ходжар смотрели на него округленными, полными страха глазами.

Анзират была в отчаянии:

– Бога ради, уходите! Не мешкайте! Он в любой момент может вернуться...

Она не договорила, за дверью послышались странные быстрые шаги: тук-тук, тук-так... Анзират вздрогнула, забыв о Мирзакуле, уставилась туда: она поняла, чьи это шаги и чем это все закончится...

Нормат удивился, услышав фыркание чужого коня за воротами дома. Может, это соседский конь? Например, Махамати? Конь, увидев приближающегося к нему чужого человека, начал пятиться и недовольно фыркать. Нормат заметил его испуганные глаза.

Чей он? Почему привязан здесь, у меня во дворе? Кажется... я его где-то видел... Но, где? У кого? Как он мне знаком. Знает ли Анзират, чей это конь...

Но тут он вдруг все понял. Все его подозрения и страхи мгновенно всплыли изнутри подсознания, раздувшись непомерно большим шаром, неподъемным грузом легли на сердце, и

его несчастье снова стало огромным. Он не мог поверить... «Нет! Это что-то другое! Она знает, что я сегодня вернусь! Нет, не надо грех на душу брать. Может, это ее отец или братья! Может, и они простили ее, как я! Это может быть кто угодно, но только не... *mom!* Надо сначала убедиться... убедиться...»

Он приблизился к дому, и вдруг услышал разговор двоих, женщины и мужчины. Анзират говорила громче, а тот как бы все время бормотал, басистым голосом.

«Кто это в такой поздний час? И голос какой-то знакомый. Где же я слышал его раньше?»

Дверь была открыта. Нормат стал поодаль, чтобы можно было видеть, что происходит в доме.

Незнакомец стоял широкой спиной к нему, но Нормат сразу узнал его... Сквозь туман, застилающий его разум, он услышал слова Анзират:

– ...не мешкайте! Он в любой момент может вернуться!

От злости Нормат стиснул челюсти: он все понял.

Дрожащей рукой он снял ружье с плеча и появился в дверях дома.

От неожиданности Мирзакул сделал несколько шагов назад и очутился рядом с Анзират.

Нормат сначала окинул взглядом жену. Затем обратился к Мирзакулу:

– Значит... это ты?! Это ты... и как я сразу не догадался...

Он направил ружье на своего врага, который стоял не двигаясь, и с размаху ударил его рукояткой по пояснице. Мирзакул со стоном упал к ногам Анзират.

После этого Нормат подошел к жене, приподнял ее дрожавший подбородок. Дети сразу поняли, что папа будет ее бить и от страха накрыли лица одеялом. Они боялись даже плакать: очень страшен был вид отца.

Нормат дышал прямо в ее лицо. Сквозь зубы он ожесточенно шептал:

– Я простил тебя, думал, ладно, ошиблась... Оказывается... Сука! Чуть дальше ушел от дома, тут же снюхалась с любовником! Не могла пропустить ни дня, хотя прекрасно знала, что я сегодня вернусь! – прохрипел он. – Все-таки, как права была тетя Бийди! Если бы не было таких, как ты, не падали бы нравы людей!

Он с презрением посмотрел на Мирзакула, лежавшего на полу, скрученного от боли, потом на Анзират и стал заряжать ружье. Руки его дрожали.

Мирзакул, пересилив боль, пробормотал:

– Опомнись, Нормат... Я зашел... Она... не виновата, все я...

Нормат не то что не мог опомниться, он как-будто потерял рассудок. Секунды напряженной тишины разорвал грохот выстрела... Мирзакул застыл, согнутый пополам. Мгновение спустя Анзират лежала на полу без сознания. А дети, не успевшие заснуть, громко плакали, дрожа всем телом под одеялом.

Еще секунда – и раздался второй выстрел.

Спустя три дня милиционеры, приехавшие с Камаша, в сопровождении участкового повсюду искали Нормата, ходили по дворам, расспрашивали всех о его друзьях, родственниках. Обыскивали дом. Но так ничего и не нашли.

Только через полмесяца в ущелье в горах нашли чей-то труп. Лицо и тело трудно было опознать – человек был растерзан волками. Но ноги сохранились, и одна из них была искусственной – протез ступни...

* * *

Повсюду на полях краснели тюльпаны – и казалось, что это огромный ковер, сотканный из цветов. Дождь гулко стучал по крыше заброшенного дома Нормата, ветер врывается в пустые комнаты.

Война закончилась, очень немногие вернулись с нее, в том числе, и оба сына старухи Бийди. После крушения всех ее надежд она ослепла, старшая ее сноха не оставила старуху, а Танзила, младшая, удивила всех, к концу весны сбежав из села с молодым учителем из Камаша, у которого, по неподтвержденным пока слухам, не было детей от первого брака.

Все думали, что не увидят ее больше. Но через два года их заметили в Камашах, да только все еще бездетными.

Год спустя они приехали погостить в Терсоте. Холмата и Ходжар гостя увидела у свекрови. Дети, узнав ее, бросились в ее объятия, почему-то долго плакали, хотя Норхол – старшая сноха – хорошо обходилась с ними: кормила, одевала наравне со своими детьми.

Погостив два дня, уже перед самым отъездом, Танзила неожиданно заявила, что детей заберет с собой и усыновит их. Ей никто не стал возражать. Со старухой Бийди уже никто не считался – все ждали, когда она умрет! А Норхол, хотя любила детей Нормата, но в действительности ей было тяжело поднимать их и вести хозяйство.

Она не отдала их и Ханифе, когда та хотела взять детей себе. Младшего сына Анзират взяла себе пожилая сестра Мирзакула, она не хотела, чтобы ребенок рос в приюте. Терсотинцы даже не знали, как назвала его Анзират и какую фамилию они с Норматом собирались ему дать.

Многие облегчено вздохнули, услышав о смерти Бийди. А спустя три месяца умерла и сама Норхол. Все видели, как после окончания войны, убедившись, что муж не вернется, она стала чахнуть на глазах – говорили, что у нее туберкулез, но куда ее везти и как лечить – никто не знал.

Прошли годы.

Когда Холмату исполнилось семнадцать лет, а Ходжар пятнадцать, в семье Танзилы, где они росли здоровыми и счастливыми, родились близнецы. Любовь приемной матери к чужим детям никак не уменьшилась с рождением своих, и даже наоборот, ведь Ходжар оказалась прекрасной помощницей и помогала Танзиле во всем.

Обрадовался и Холмат, что у него есть теперь братья!

После окончания школы, Холмат поступил в военное училище – очень хотел стать кадровым офицером. А когда учеба уже почти закончилась, познакомился с девушкой и в тот же год сыграли свадьбу.

В это время Ходжар уже была замужем и имела грудного ребенка. До ее свадьбы камашинские парни, чуть ли не ежедневно дрались из-за нее – до того красивой была дочь Анзират. Замуж Ходжар вышла по любви.

* * *

Когда советское войско вошло в Афганистан, Холмат был уже в звании подполковника, имел двух взрослых сыновей и дочь.

Год спустя, отстреливаясь в горах Гиндукуша последними патронами он попал в окружение вражеских войск. Он и не подозревал, что отстреливающийся вместе с ним, здорового вида парень в звании капитана, направленный в составе новой роты на усиление, – сын Мирзакула – заклятого врага родного отца, их семьи – его брат. Он даже не знал его имени.

Прямо на Холмата по воздуху летела ручная граната, но за стрельбой он не заметил ее. Одно мгновение – и капитан с отчаянным криком успевает накрыть Холмата своим телом.

Но, не помогло.
Обоим...

Конец